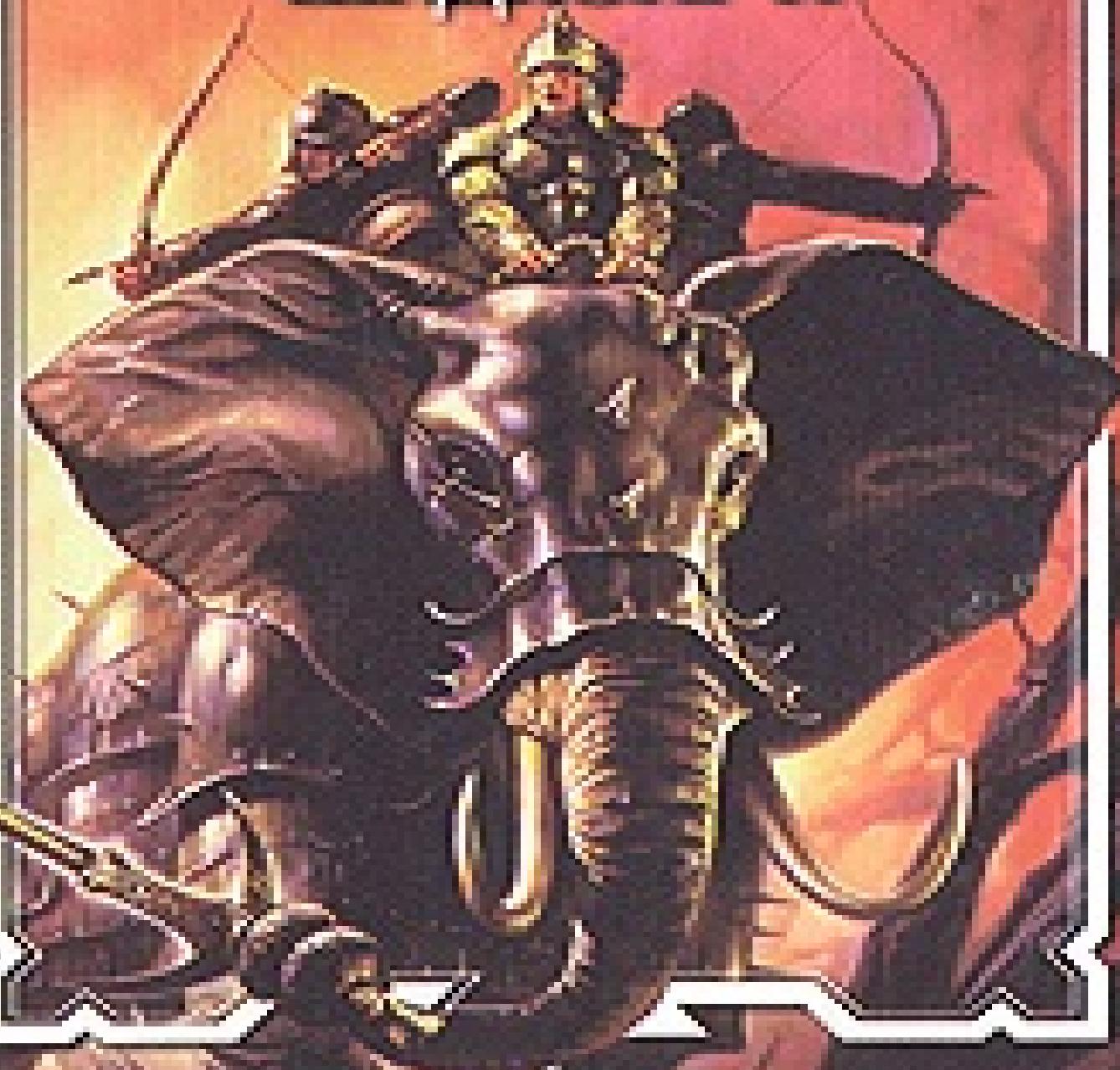

КОНАН
Н ӨВГӨЛҮ^И
ШАЛЫЗДА

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

- [Тим Доннел](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
-

**Тим Доннел
Перстень Мага**

Глава первая

Он шел, посвистывая, за одной из бесчисленных повозок, катившихся по белой пыльной дороге. Там, впереди, еще не было видно никакого жилья, но чувствовалось, что город уже совсем близко. «Шадизар, Шадизар, Шадизар!» — тревожно и радостно выстукивало сердце. Кажется, с того самого дня, как появился на свет, Гайяр знал, что ему суждено прийти сюда... Прийти, чтобы победить и отомстить... Три года назад, два года назад, год назад он порывался оставить дом, считая, что готов к испытанию, но каждый раз мудрая Рафала удерживала его, говоря: «Еще рано, мой мальчик, еще рано!» И вот ему исполнилось пятнадцать. Глядя — в который уже раз — вопрошающим взглядом в ее ласковые, улыбающиеся глаза, Гайяр понял наконец что его час наступил. Она отпускала его.

И теперь по бесконечно длинной дороге, его самой первой дороге, шел красивый мальчик с доверчивыми темно-янтарными глазами, открытой улыбкой и детской ямочкой на пухлой щеке, располагая к себе осторожных купцов и суровых погонщиков верблюдов. Он ехал то на одной повозке, то на другой, ел жирную похлебку и запивал ее кислым вином, не тратя при этом ни одной монеты из тех, что Рафала зашила ему в засаленный пояс. Да и кто бы мог подумать, что у него есть хоть один медяк! У такого-то оборванца! Но у парнишки было кое-что получше: веселые золотистые глаза, густая шапка черных кудрей и улыбка, от которой таяли сердца. И никто уже не обращал внимания на его драную шапочку, грязные холщовые штаны и растоптанные сандалии. Правда, убогость одежонки немного скрашивала рубаха некрашеной верблюжьей шерсти с воротником когда-то яркой шелковой вышивки. Короче говоря, юный Гайяр, добираясь из Аренджуна в Шадизар, не испытывал тягот пути, обычно выпадающих на долю бедных оборванцев, которые, не найдя удачи в одном месте, ташатся в другое, надеясь, что хоть там-то она повернется к ним лицом.

— Эй, Гайяр, иди сюда, поешь с нами да заодно и расскажи что-нибудь! — позвал мальчика здоровенный детина, когда повозки одна за другой стали отъезжать в сторону от дороги. Здесь, около глубокого колодца с прозрачной холодной водой, от которой ломило зубы, под густыми кронами раскидистых деревьев, останавливались путники на последний привал. Конечно, самые нетерпеливые спешили вперед,

стремясь с последними лучами солнца все-таки попасть в Шадизар, ну а если не повезет, то, проклиная неудачу, ночевать под крепостными стенами, среди мусора и отбросов.

Опытные купцы предпочитали остановиться здесь, в приветливом местечке у знакомого колодца. Лошади и верблюды за ночь отдохнут, напьются чистой воды, а с первыми лучами солнца караван двинется в путь и вскоре уже будет у городских ворот — и никаких хлопот с постоянными дворами, можно сразу везти товар на базар перекупщикам или прямо в лавки.

Гайяр, сердце которого рвалось поскорее увидеть Шадизар, о котором столько раз говорили они с матерью, был не настолько глуп, чтобы не признать разумность действий своих попутчиков. Ослепительно улыбнувшись, он уселся на край повозки:

— С радостью, почтенный Амар!

Вскоре, как и вчера, и позавчера, и сто лет назад, вокруг колодца, который купцы называли Бахшор, что означает «последний», раскинулся целый лагерь. Тюки с дорогими товарами слуги перетащили поближе к центру, а пустые повозки образовали широкий круг, внутри которого расположились усталые лошади, невозмутимые верблюды и повеселевшие от вечерней прохлады люди. В обложенных закопченными камнями кострищах уже заплясали первые язычки пламени, робко облизывая короткие поленца и сухой верблюжий помет. Слуги суетливо пристраивали над огнем дорожные казаны, наполняли водой желоб для скота, доставали из мешков и раскладывали на кошме перед важными купцами лепешки, вяленые фиги, соленый овечий сыр.

— Гайяр, куда ты пропал, постреленок, мы тебя ждем! — окликнул прильнувшего к черпаку мальчишку рослый погонщик. Вытерев рукавом мокрый подбородок, Гайяр положил черпак на выщербленный временем и солнцем каменный круг колодца и подошел к купцам.

— Присаживайся, дитя, сегодня ты наш гость! — сказал толстый купец с узкими смеющимися глазами и похлопал униженной драгоценными перстнями рукой по пестрому дорожному ковру.

— Благодарю, почтенный Расат, да не оставит тебя удача! — И, не дожидаясь повторного приглашения, мальчик уселся рядом.

— Вот смотрю я на тебя, Гайяр, и удивляюсь! — Купец протянул прислужнику кубок, и вино, булькая, полилось из дорожной кожаной фляги.— В который раз удивляюсь!

— Чему же ты удивляешься, о лучший из купцов? — приподняв брови, спросил мальчик и, не глядя через плечо, привычным жестом подставил

слуге свой кубок.

— А вот этому самому и удивляюсь... Не первую ночь ты проводишь у моего костра, делишь с нами хлеб, рассказываешь смешные истории про шадизарских плутов... Сдается мне, что и сам ты препорядочный плут, сознайся, дитя? — И купец, улыбнувшись, залпом осушил кубок.

— Теперь уже я удивляюсь, добрейший Расат. С чего ты решил, что я плут? — И Гайяр, посмотрев на купца ясными, невинными глазами, тоже залпом осушил свой кубок.

Слуги, толпившиеся за их спинами, так и схватились за животы от смеха:

— Ох уж этот Гайяр! С ним не соскучишься! Ну, как есть плут, сын плута и внук плута!

— Эй, хватит топать ногами за моей спиной! От вашего хохота земля трясется, как под копытами табуна взбесившихся лошадей! Лучше присмотрите за мясом — я отсюда вижу, что пена уже заливает огонь! Бездельники, дармоеды! А ты, мой мальчик, самый настоящий плут, я это давно заметил! Хоть ты и носишь грязные лохмотья, но повадки у тебя, как у сына благородной семьи... Я же вижу, как ты держишь кубок, как режешь мясо, как отламываешь хлеб... Руки твои, хоть и грязные, с черными ногтями, не знали тяжелой работы — если их хорошенко отмыть, будут нежными и розовыми, как у девушки... Ну что, разве не так?! — И он снова протянул слуге кубок.

Гайяр, не мешкая, сделал то же самое и, слегка поклонившись довольному купцу, восхищенно сказал:

— Что за ослепительный светильник разума сияет в твоей голове, о умнейший из купцов! Да, ты прав! Я родился в богатой семье, рос в достатке и неге... Но в этом мире ничто не вечно, все люди смертны, и вот я остался сиротой... А кто позаботится о несчастном? Ведь жадные родственники налетят стаей грифов и найдут тысячи способов завладеть наследством! Так и получилось, о почтенный Расат, — у меня не осталось ничего, кроме рук, не знавших работы... Шадизар, моя родина, был жесток ко мне, и я решил навсегда его покинуть. Быть может, в Шадизаре судьба мне улыбнется: многие приходили туда без гроша, а вскорости становились несметно богаты. Это не сказки, добрейший Расат, как ты думаешь?

— Ха-ха-ха, мальчик, у тебя есть все, чтобы не пропасть в Шадизаре. Но, глядя на твою сияющую юность, не хотел бы я узнать, что ты связался с тамошними плутами, особенно с Шафрастом, Повелителем Хитрецов! Иначе, боюсь, ты лишишься своих нежных рук, а то и головы! Жаль, если такая красивая голова покатится по окровавленным доскам в День Суда!

— Ты сказал — Повелитель Хитрецов? О, расскажи мне о нем, почтеннейший. Не дай по неопытности попасться в его лапы! Я совсем не хочу потерять свою голову, да и руки мне еще пригодятся!

— Сейчас, сейчас... Хамсур, мясо, наверно, давно сварилось, а ты стоишь тут, развесив уши... Дождешься, что я тебя прогоню! Вот поедим — и расскажу, не все тебе забавлять нас своей болтовней, послушай-ка теперь, что расскажет умный человек, кой-чего повидавший на своем веку... Да, так где же мясо?

Смешливый слуга поставил перед купцами глубокое блюдо с дымящимися кусками вареной баранины, обильно посыпанной резаным луком и пряной зеленью. В это время другой принес небольшие плошки с горячим, жирным бульоном, и путники принялись за еду. Расат ел неторопливо, обмакивая белую лепешку в ароматную жидкость и аккуратно слизывая жир с толстых пальцев. Он видел, что юный Гайяр жаждет услышать об аренджунских хитрецах, и нарочно затягивал трапезу, дразня нетерпеливого мальчишку. Как ему нравился этот веселый и смешленый юнец! Как он был похож на него самого лет этак сорок назад! И как жаль, что боги не послали ему сына, а жены рожали одних дочерей!

А этот мальчишка с ясными глазами и быстрым умом сразу нашел дорогу к его душе... И вот сегодня, у самых ворот Шадизара, Расату пришло на ум, что встреча их была неслучайной, сами боги, кажется, услышали его молитвы. Сегодня он скажет ему... Допивая вино, купец представлял, как обрадует юного бродягу своими словами, как удивленно поднимутся его брови, как приоткроется насмешливый рот...

— Прости мою настойчивость, почтенный Расат, но ты обещал рассказать о Повелителе Хитрецов, чтобы предостеречь от ошибок. Я неопытен в житейских делах, и твой совет для меня будет, как факел для идущего ночью!

Расат в последний раз улыбнулся своим мыслям и ласково посмотрел на Гайяра:

— Называй меня просто дядюшкой Расат, мой мальчик. Ха-ха-ха, по твоему лицу я вижу, что ты ждешь не столько предостережения, сколько занятного рассказа! Да, ты прав, о плутах и обманщиках слушать всегда интересно, зато, когда попадешь к ним в лапы, тут будет уже не до смеха! Я расскажу совсем немного, об остальном догадаешься сам — хоть ты и молод, но умен и не так прост, как кажешься! Ну, так вот...

Слуги убрали пустые блюда, оставив лишь кубки. Костер потрескивал, выстреливая в черноту ночи мелкими колючимиискрами. Мирно переступали лошади, трещали в ветвях цикады, тихо переговаривались

погонщики, устраиваясь под повозками.

— Этот Шафраст, которого в Шадизаре прозвали Повелителем Хитрецов, пришел сюда так же, как и ты, налегке и без гроша в кармане. А было это... Да, точно, было это шестнадцать лет назад. Ты спросишь, почему я так хорошо помню? Потому, мой мальчик, что у меня тогда как раз родилась четвертая дочь, а всего у меня пять дочерей и ни одного сына... Ну, об этом потом, а сейчас — о Повелителе Хитрецов. Он, как появился в славном Шадизаре, сразу прибрал к рукам Пустыньку, место, где живут отпетые негодяи, воры да непотребные девки. Послушайся моего совета, никогда не ходи туда, ни днем, ни ночью, слышишь, дитя? Ну, так о чем я говорил? Ах, да. Повелитель Хитрецов! Конечно, Шафраст изрядный мошенник и плут, но разве смог бы он держать в страхе всех шадизарских сорвиголов, не будь у него этого перстня! Таких-то молодцов! Да любой из них может прихлопнуть его одним ударом — а трясутся, как псы перед львом! Тыфу!

— А что это за перстень, дядюшка Расах? Наверное, какой-нибудь талисман?

— Ну, что я говорил, ты умен, как тридцатилетний мужчина! Да, это не простой перстень, и Шафраст не устает им похваляться. Ведь все равно никто не может его похитить — носящий кольцо под защитой бога воров и обманщиков. Когда-то сам Великий Бел подарил талисман своему любимцу, вору Закко из Шадизара... Ты ведь оттуда, значит, слышал про Закко. Признайся, слышал?

— Так это тот самый перстень?! Конечно, слышал! Слуги часто рассказывали сказки о проделках Хитреца Закко, о том, как он ублажил Бела, подарив ему прекрасную дочь колдуна Ильсара, похитив ее из Белой Башни... Но я думал, что все это выдумки и никакого перстня нет, а красавицу Закко выкрад для себя!

— Ха, для себя! Да к тому, у кого этот перстень на пальце, любая красавица сама из башни выскочит, только успей подхватить! Ха-ха-ха! Нет, Закко был не дурак, он знал, чего хочет, и он это получил! Могучий Бел остался доволен подарком и наградил его волшебным перстнем. Шафраст говорит, что он правнук Закко, но в Шадизаре рассказывают другое... А ты, мальчик, слышал что-нибудь о правнуке Закко?

— Нет, дядюшка Расат, ничего не слышал. О самом Закко рассказывают много историй, его проделки мало кому удавалось повторить, но о его правнуках я ничего не знаю. А правду говорят, будто этот перстень...

— Не торопи меня, дитя, ночь еще только-только началась, спешить

нам некуда. Сиди себе и слушай. Рассказ должен течь, как спокойная река, а не прыгать по камням, подобно горному ручью... Да, этот перстень обладает такой силой, что все мошенники Шадизара — от мелкого базарного воришко до грабителей, взламывающих по ночам хитроумные запоры,— служат Шафраstu, принося ему всю добычу. Город, как жирная муха, окутан паутиной их хитростей и плутовства, никто не может спать спокойно, не опасаясь за жизнь и имущество... Стражники подкуплены и ищут не там и не тех... О, где те добрые старые времена, когда судьи карали виновных, а воины охраняли покой горожан?!

— Ну, дядюшка Расат, насчет добрых старых времен ты хватил лишку — да простятся мне мои дерзкие слова! Я думаю, и прадеды наши не упомнят честных судей, а уж об этих мошенниках, что именуют себя городской стражей, но не хуже воров обирают торговцев, и говорить не приходится... И все же мне ясно одно: и так было несладко, а с Повелителем Хитрецов стало еще хуже. И все из-за перстня!

— Вот-вот, из-за него все наши беды! Ладно бы он просто приносил ворам удачу... В конце концов, и мы, честные торговцы, не гнушаемся пользоваться амулетами, заговоренными на успех в делах. Каждый имеет право на милость богов! Однако сокровище Шафраста — это скорее проклятие. Ибо сила его зловещая, точно клыки демона, и несет в себе смерть. Так говорят... Но довольно об этом! Негоже поминать на ночь глядя такие страсти, а то накличем беду! Не хотелось бы мне, чтобы грабители решились потревожить наш покой! Правда, здесь, у самого города, это случается редко, но все же не мешает поостеречься. Так что давай-ка поговорим о другом. Вот что я давно намеревался сказать тебе...

— Насчет Повелителя Хитрецов?

— Тьфу, дался же тебе этот негодяй! Забудь о нем! Пусть боги будут милостивы к тебе, о славный юноша, и пути ваши никогда не пересекутся. Поверь, так будет лучше для всех! Но я хотел повести речь совсем о другом. Надеюсь, это придется тебе по вкусу... Так вот. У меня есть пять дочерей, пять прекрасных цветов, возросших в саду моего сердца для усажды жизни старика. Но я всегда мечтал о сыне, таком же вот смышеном и веселом, как ты. И слушай, мальчик, что я надумал...— Купец склонился к самому уху Гайяра и что-то горячо зашептал, для убедительности взмахивая пухлой рукой. Брови юноши удивленно приподнялись, он внимательно вслушивался в шепот Расата, помешивая палкой угли догорающего костра.

Рассветные облака, вестники восходящего солнца, застыли над холмами стайкой розовых птиц. Караван подходил к Шадизару. Серые стены большого города, словно выросшие из бурой потрескавшейся земли,

высоко поднимались над головами путников. Сверху, из бойниц мощных башен, дорогу разглядывали скучающие стражники. Наконец ослепительным краем из-за холма показалось солнце, ворота медленно, со скрипом начали открываться. Стражники с трудом толкали тяжелые створки из плотно подогнанных дубовых брусьев, окованных железными полосами. Вперед выехал сборщик пошлины и стал собирать плату, придиличиво расспрашивая купцов о ценности привезенного товара. Звякали монеты, падая в огромный кошель, и повозки въезжали в городские ворота. Ржали кони, кричали погонщики верблюдов, скрипели колеса — это Шади-зар, ненасытный Шадизар, набивал свое бездонное брюхо.

Сидя рядом со старым купцом на высокой повозке, Гайяр с любопытством крутил головой. Да, Аренджун — это лишь тень Шадизара! С восхищением разглядывая могучие стены и задирая голову, чтобы получше рассмотреть башни, мальчик не сразу услышал настойчивый голос Расата:

— Так что же ты мне ответишь, Гайяр? Неужели мои слова пролетели мимо твоих ушей, юноша? И эти закопченные стены интересуют тебя больше, чем сказанное мной? Поверь, любой в Шадизаре был бы счастлив услышать мое предложение! Но я выбрал тебя — сам не знаю почему. А ты, странное дитя, отвернулся и молчишь!

Гайяр отвел глаза от башни:

— О нет, почтеннейший Расат, я не пропустил ни слова! Поверь, я никак не ожидал встретить счастье, даже не закончив своего пути! Но позволь мне повременить с ответом несколько дней. Я не все тебе сказал — у меня в Шадизаре есть важное дело. Небольшое, совсем небольшое! И как только справлюсь — сразу к тебе. Ты мне рассказал, где твоя лавка, где твой дом, так что я легко тебя отыщу. Мое сердце говорит: «Да», но не торопи меня, подожди! И не сердись, больше ничего добавить я пока не могу...

— Я верю тебе, мальчик! Ну, что ж, я буду ждать. И если тебе вдруг понадобится помочь — приходи ко мне, днем или ночью, утром или вечером. Вот, возьми этот кошель, негоже тебе являться в Шадизар нищим. Да хранят тебя Светлые Боги, дитя!

— Прощай, дядюшка Расат! — Мальчик ловко соскочил с повозки и, махнув купцу рукой, скрылся в толпе, запрудившей площадь. Безошибочное чутье вело его по улицам, узким и широким, прямо к базару. Конечно, он мог без хлопот доехать туда вместе с купцом Расатом, но мальчику хотелось одному сделать первые шаги в незнакомом городе, осмотреться и

примерить его на себя, как примеряют новое платье.

Гайяр не спеша брел по улицам, восхищенно разглядывая богатые дома, больше похожие на дворцы. Изобильное лето одарило сады ароматными плодами, и добротные домики простых горожан казались прекрасными в окружении пестрых деревьев.

Узкая улочка повернула налево, и Гайяр, не задумываясь, свернул туда. Глухие стены, узорчатые ворота, узкие калитки, ветви абрикосов свешиваются вниз... Все правильно — там, впереди, уже слышится шум многоголосой толпы, крики водоносов, слабый ветерок доносит запах подгорелого мяса. Базар, знаменитый Шадизарский базар!

Гайяр остановился на углу и с улыбкой огляделся. Там, в Шадизаре, он чувствовал себя своим и среди купцов и менял, и среди водоносов и попрошаек, похоже, и тут будет то же самое.

Базар как базар, разве только побольше, да народ покриклиней да позадиристей. А простаки и зеваки, видать, здесь сами готовы отдать свои кошели ворам и мошенникам. Он тихонько засмеялся: юркий парнишка в одежде подмастерья с разбегу налетел на толстого купца, получил увесистый подзатыльник и тут же со всех ног кинулся прочь, запихивая под рубаху расшитый кошелек. А купец, обругав его вдогонку, важно остановился у богатой лавки и стал прицениваться к вендинским шелкам. «Ха-ха, толстый дурень, пока выбираешь шелка, без штанов останешься!» — подумал Гайяр, кусая губы от смеха.

— Колбаски, колбаски, горячие колбаски! Самые жирные, самые вкусные! Подбегай, кто голоден, подходи, кто сыт! — неожиданно раздался оглушительный крик прямо у него над ухом.

Ну конечно, это отсюда тянуло дымком и аппетитно пахло жареным мясом! По огромной сковороде, истекая горячим жиром, перекатывались румяные колбаски. Добродушный торговец переворачивал их и время от времени покрикивал:

— Колбаски, колбаски! Кто съест одну, попросит вторую! Эй, малец, что смотришь, подходи! Одна монета — две колбаски, да еще и лепешка! Что задумался, или ты нездешний?

— Да, я только сегодня пришел в Шадизар... Вот, у меня как раз есть монетка, давай свои колбаски!

— Ну, то-то же, бери лепешку, да не обожгись. А меня тут всякая собака знает. Таких колбасок во всем Шадизаре нет! Да что Шадизар — во всей Заморе! А может, и во всем мире, ха-ха-ха! Так-то вот, парень!

Гайяр присел на корточки рядом с жаровней и, обжигаясь, принялся за еду. Ого, торговец-то правду сказал! Таких колбасок даже старый Гарзиз не

делал, а на что мастер. Весь Шадизар его знал, никто мимо пройти не мог!

Мальчик жадно доел вторую колбаску, затолкал в рот последний кусок лепешки и, вытерев жирные губы рукавом, полез было доставать следующую монетку.

— Ага, понравилось?! Что я говорил? Наверно, хочешь еще? Так я и знал! А ты сам-то откуда, малец?

— Из Шадизара, пристроился к каравану...

— О, из Шадизара, говоришь?! Ну, парень, да ты мой земляк! Может, знаешь старого Гарзиза, он там тоже на базаре колбасками торгует?

— Дядюшку Гарзиза? Конечно, знаю! Да я каждый день ходил мимо его жаровни, нарочно чтобы съесть парочку. Но твои, честно говоря, гораздо вкуснее!

— Так я его племянник Дамук! Эй, убери свою монету, слышишь! Я с земляков платы не беру, ну, разве что ты придешь сюда в парчовом халате и с серебряным кинжалом за поясом... Ха-ха-ха! На, бери лепешку, смотри, жир так и течет! А дядюшка Гарзиз всегда был упрямцем, поэтому мы с ним и поссорились маленько... Нет, правда, мои колбаски лучше? То-то же! А он всегда говорил — не буду класть в мясо вендийские душистые травы, и все тут! И чуть колотушкой мне голову не проломил. Пришлось тогда мне отряхнуть пыль шадизарского базара с ног своих и перебраться сюда... Э, да ты меня не слушаешь! Куда это ты смотришь, малец?

— А вон видишь, там, у стены, идет игра в кости? Спорим на пару колбасок против моей монетки, что сейчас начнется славная потеха! У нас в Шадизаре за такие проделки можно без ушей остаться. Смотри, смотри, что делается! Этот, в красных штанах, выбросил кости, а остальные что, ослы, что ли?! Ну, смотри-ка, наконец-то до них дошло! — Мальчик вскочил и подошел поближе.

Толпа зевак, столпившаяся возле игроков, возбужденно зашумела. Проигравший с кулаками полез на здоровенного парня, бросавшего кости. И крик поднялся до небес. Стаканчик с костями мгновенно исчез в многочисленных складках красных штанов, послышался треск рвущейся материи, и по камням мостовой покатились игроки, отчаянно вопя каждый о своей правоте:

— Ах ты, мразь, бросать фальшивые кости! Да я тебя!..

— Проклятый лжец, вот тебе по зубам! Заткни свой поганый рот и не оскорбляй честных людей!

— Да я сейчас... сейчас спущу с тебя штаны, и... вот тебе, вот, гнусный обманщик! Сейчас посмотрим, какие у тебя кости! — Проигравший оседлал своего противника и стал было шарить у него за

поясом.— А заодно и кошель свой заберу, не бывать, чтоб мои денежки достались какому-то проходимцу!

Но не успел он вытянуть из-за пояса тугой кошель, как противник его ловко извернулся, вскочил на ноги и, лягнув проигравшего в живот, нырнул в толпу, тут же сомкнувшуюся за его спиной.

— Держи!!! Держи вора и обманщика! Стража! Стража! Грабеж среди бела дня!

— Держи! Держи вора!!! Держи! Ха-ха-ха! — кричали в толпе, но никто даже шагу не сделал, чтобы схватить плуга.

Потихоньку зеваки стали расходиться, а у стены в тени деревьев пристроились новые игроки.

— Да, у тебя глаз острый, приятель! На, держи свои колбаски, хотя я и так знал, что этим дело кончится. Ведь это Корфик, лучший игрок Шадизара! Уж он-то всегда унесет ноги, да и кошелька ни почем не оставит. Школа хитреца Шафраста. Его людям всегда везет, но только лучше держаться подальше от такого везения!

— А что это за школа хитреца Шафраста? Расскажи, Дамук, и дай мне еще пару твоих несравненных колбасок. Но не даром, не даром, а то вся жаровня опустеет. У нас и слыхом не слыхивали о таких штуках... Он что, учит играть фальшивыми kostями?

— Ишь, какой любопытный! Ну ладно, покупателей все равно пока нет, слушай... В Пустыньке, на постоялом дворе Облезлого Тамара, живет сам Повелитель Хитрецов, Шафраст...

— В Пустыньке, говоришь? А это где? Скажи мне, чтоб я ненароком туда не забрел. Матушка моя всегда говоривала — держись, сынок, подальше от воров и плутов, не играй в кости, тогда доживешь до седин и внуков дождешься.

— Мудрые слова! Значит, если обойти базар справа, увидишь посудную лавку под старым тополем. Сразу за ней — узкая улочка с глубокими канавами. Туда стекают городские нечистоты, да и лавочники сбрасывают в них свой мусор. Если покрепче зажать нос и проскочить до поворота, там как раз и начнется Пустынька. Кому нужна дешевая девка, ношеная одежда или самое кислое вино в Шадизаре — тот потащится в Пустыньку... Но ты ведь туда не собираешься, а, малец? — И Дамук лукаво подмигнул Гайяру, с аппетитом доедавшему колбаски.

— М-м-м... Конечно, не собираюсь! Что мне там делать? Но все-таки я ни о чем подобном никогда не слыхивал. Это же надо — воровская школа! Ха-ха-ха! А может, ты шутишь? Если так, то это действительно забавно, клянусь Белом!

— Смейся, смейся, как бы заплакать не пришлось! — обиделся продавец колбасок.— Я никогда не лгу, а уж своим землякам и подавно. Но ты еще слишком молод и неопытен, такого облапошить ничего не стоит. Глазом не успеешь моргнуть, как тебя затащат в Пустыньку и пристроят к воровскому промыслу. Вспомнишь тогда советы своей матушки, да будет поздно! А захочешь бежать — Шафраст только рукой взмахнет... и нет тебя! Или возьмет плеть...

— О, прости меня, добрый Дамук, я не хотел тебя обидеть! Теперь я не сомневаюсь, что ты говоришь чистейшую правду. Но ты сказал — Шафраст взмахнет рукой? Ну и что же? А плеть — что такое плеть?! Подумаешь! Вот если бы меч или кинжал, тогда другое дело.

— Да, зелен ты еще и многого не знаешь! — Торговец оттаял и, раскладывая на жаровне сырье колбаски, продолжал, радуясь слушаю поболтать с развесившим уши юнцом: — Такой вот сопляк быстренько научится в Пустыньке всяким хитростям: срезать кошельки, играть в кости или в скорлупки, преуспеет в искусстве заметать следы, прятаться от стражи, а через несколько лет займется крупными делами. Но вся добыча будет принадлежать его хозяину — Повелителю Хитрецов, потому что тот владеет черным перстнем самого Бела, а также волшебной плетью и еще кое-какими магическими игрушками. И игрушки эти поопаснее любого кинжала, уж поверь мне на слово!

— Э-э, да ты многое знаешь, приятель! Похоже, новости сами приходят к тебе сюда, чтобы подкрепиться колбасками, разве не так?

Дамук засмеялся и дружески толкнул Гайяра кулаком в плечо.

— Ха, так оно и есть! Весь Шадизар проходит за день передо мной, все новости оседают здесь, у моих ног, и, скажу тебе, земляк, если хочешь что-то узнать, спроси у меня! Ты и сам удивишься, сколько я смогу порассказать!

— Ну так поведай мне про перстень Шафраста, и про плеть, и про все остальное.— Гайяр с любопытством уставился на Дамука, ожидая продолжения. Но торговец вдруг заозирался пугливо по сторонам и, точно увидев поодаль что-то неприятное, разом сник, опустил глаза и, поворачивая лопаточкой скворчащие колбаски, недовольно забубнил:

— Перстень, плеть... Все тебе расскажи!.. Я зря сболтнул — а ты уж и рад, ухватился за глупое слово. Ненужный этот разговор, и опасный! Ты уж мне поверь. И тебе ни о чем таком знать не надобно. Толковать об этом — только беду на свою голову накликать. Ну вот, так и знал...— Он сердито всплеснул руками.— Заболтался с тобой, колбаски и подгорели. Тыфу, проклятье Бела на мою голову, язык без костей! Ладно. Я ничего такого не

говорил. А ты не слышал.

— Ну, не гневайся, добрый Дамук. Не хочешь — не рассказывай. Что мне за дело до твоего Повелителя Хитрецов и его магических штучек! Есть вещи и поважнее. Да и так уж я с тобой засиделся, а ведь мне нужно торопиться, иначе не успею до вечера разыскать купца Расата, у меня к нему дело...

— О, Расат! Почтенный Расат! Честнейший из купцов! Тебе повезло, постреленок. Ну, когда разбогатеешь, приходи — я тебя своей стряпней угощу, да и вина налью. Как отказать земляку?! Колбаски, колбаски, горячие колбаски! С пылу, с жару, за монетку — пару! — Дамук призывно замахал руками и завопил еще громче: — Подходи, кто голоден, подбегай, кто сыт! Колбаски, колбаски, горячие колбаски!

Глава вторая

Вечернее солнце коснулось края городской стены, заиграв последними отблесками на золоченых куполах и шпилях, на глазури бесчисленных мозаик. Дворцы и храмы в алом сиянии стали похожи на диковинные драгоценности из сундука великана. Но вот солнце, скрылось, и над городом стало медленно опускаться черное покрывало ночи.

Базар почти опустел. Мальчишки дometали остатки мусора перед дверями закрывавшихся. Купцы пересчитывали выручку и проверяли запоры. Водоносы и уличные торговцы не спеша расходились по узким улочкам, мечтая дать отдых натруженным ногам и глоткам. Стражники начали первый вечерний обход, торопя зазевавшихся прохожих,— ведь всем известно, что ночью у Шадизара совсем другие хозяева...

Гайяр, целый день бродивший по городу, к вечеру опять вернулся на базар. Он еще днем потолкался возле посудной лавки, где старый торговец хрипло расхваливал свои плошки и кувшины. Теперь двери были крепко заперты, окна прикрывали толстые ставни, а за оградой рычал свирепый пес. И ему было на кого рычать! То и дело мимо лавки бесшумно сновали темные фигуры, изредка обмениваясь парой тихих слов, и таяли в сгущавшихся сумерках. Одни торопились в город, другие — из города. Узкая зловонная уочка, пустая и тихая днем, сейчас наверняка стала самым оживленным местом во всем Шадизаре.

Словно ведомый звериным чутьем, ни разу не поскользнувшись на осклизлых деревянных мостках, перекинутых через канавы, и не столкнувшись ни с одной из спешащих навстречу фигур, мальчик дошел до поворота и на мгновение задумался, спрашивая себя, где же здесь притон Облезлого Тамара. Прижавшись к стволу сухого дерева, он всматривался в тени, шнырявшие по улочкам, веером разбегавшимся в разные стороны.

Вдруг совсем рядом остановились трое мальчишек и, не заметив Гайяра, юркнувшего за толстый коряwyй ствол, стали шепотом переговариваться:

— Вы что, ослы, отдавать все это Шафрасту?! В кои-то веки выпала такая удача! Разделить поровну — и делу конец!

— Хочешь получить от него под зад коленом или еще похуже? А я-то думал, Налат, что ты не дурак! Он же сразу узнает, если мы припрячем добычу! Нет, мне хватит того, что он даст.

— Ха-ха, ты, Гир, подобен трусливой собаке и ешь только из

хозяйских рук! Нет, моя душа не позволит отдать ему весь кошелек! Поделим — и все тут! Ничего он не узнает. Отдадим ему шелковый платок, браслет и ножны, а кошелек — наш!

— А ты что молчишь, тихоня Мирх? Ведь это ты придумал, как облапошить купца, а мы только помогали. Ну, говори, умная голова, как скажешь, так и будет!

— Давно бы так... А скажу я вот что: никому не посоветую шутить с Повелителем Хитрецов. Я работаю на Шафраста подольше вас и совсем не хочу пропасть неведомо куда. Вы, сопляки, вообразили себя великими ловкачами, но он только посмотрит в глаза и тут же учуяет обман... И тогда тот, кто посмел его надуть, вскорости исчезнет... Навсегда...

— О, Мирх, неужели это правда?! А я-то думал, плетут всякое, чтобы пугать глупцов!

— Глупцов, говоришь? Верзила Эрис, по-твоему, глупец? А как он трясеется перед Шафрастом ты видел? Он когда-то осмелился...— И голоса мальчишек, свернувшихся налево, постепенно стали затихать.

Гайяр осторожно вышел из-за дерева и быстро двинулся следом за ними, стараясь не потерять из виду светлого пятна рубахи того, кого звали Мирхом.

Три смутные тени проскользнули в покосившиеся ворота, обменявшиесь несколькими словами с широкоплечим оборванцем, сидевшим на корточках у высокого забора:

— Все собрались?

— Нет еще, проваливайте, не задерживайтесь! Как у вас, удачный денек?

— Да так себе, хвастать нечем.— И воришки скрылись в глубине двора.

Гайяр, прижавшись к забору, вслушивался в обманчивыеочные шорохи. Может, это крыса прошуршила в сухой траве, а может, прошмыгнул кто-то из людей хитреца Шафраста, прижимая к грудиувесистыйкошелек и ощупывая кинжал за поясом...

Из-за легких облаков вынырнул узенький серпик молодой луны, и мальчик, присев под колючим кустом, осмотрелся. Улица была пуста. Никто не приближался ни справа, ни слева. Вдалеке промелькнула собачья тень, завопил перепуганный кот, и все стихло. Сторож выглянул за ворота, покрутил лохматой головой и притворил скрипучую створку. Подождав еще немного, Гайяр отошел подольше от ворот и беззвучно перемахнул через высокий забор.

Где это он? Ага, пахнет навозом, постукивают копыта — значит, около

конюшни. Впереди неясно вырисовывалась причудливая постройка с узкими, тускло освещенными окнами. Дверь время от времени тихо отворялась, чтобы впустить очередного гостя, и становились слышны громкие голоса, звон кружек и звуки дзуры, терзаемой пьяным музыкантом.

Мальчик крадучись сделал пару шагов и упал, споткнувшись обо что-то мягкое. Тут же на него всей тяжестью навалился какой-то человек, зажал рукой рот и придавил к земле. Гайяр попытался было вывернуться, но неведомый противник сидел у него на спине, не давая пошевелиться.

— Ш-ш-ш, не рыпайся, а то хуже будет,— услышал мальчик угрожающий шепот,— да не сучи ты ногами, ничего я тебе не сделаю! Тише, болван, ты же тут всех переполошишь! Вставай и иди вперед, но только пикни у меня! — Незнакомец слез со спины Гайяра и, крепко ухватив за вывернутую назад руку, подождал, пока мальчик поднимется. Тяжело дыша, шадизарец двинул было в сторону таверны, но колено незнакомца подтолкнуло его к конюшне: — Куда, дурак, лезешь! Видать, жизнь надоела или ты совсем спятил! К хитрецу Шафрасту так не ходят. Давай-ка сюда, за конюшню, да потолкуем маленько. Ну, вот, я вижу, ты быстро все понял!

Подгоняемый легкими пинками и болью в вывернутой руке, Гайяр обогнул угол конюшни, и они очутились в тесном закутке, среди всякого хлама и высоких репейников.

— Вот тут и поговорим. Садись сюда, к забору, да не вздумай улизнуть. От Конана еще никто не уходил, разве что на Серые Равнины! Вот и луна вышла — повернись-ка лицом, я тебя разгляжу как следует и, если что, из-под земли достану.

В тусклом лунном свете Гайяр тоже во все глаза разглядывал своего противника. Мускулистые руки, широкие плечи, грудь, выпуклая, как у воина, суровое решительное лицо с колючими льдинками светлых глаз. Даже в потемках было видно, что это северянин, скорее всего, киммериец. Конечно, киммериец! Один из пришельцев с холодного воинственного севера, так уверенно-небрежно обращающихся со своими тяжелыми мечами, словно это легкие игрушки богатых бездельников... Но и северянин изучал его не менее внимательно. Наконец, усевшись так, чтобы Гайяр не смог проскочить во двор, он удовлетворенно сказал:

— Я вижу, ты не здешний и никогда еще не бывал в Пустыньке... Говори, откуда ты взялся и зачем лез через забор? Ну, быстро!

— Не очень-то нукай, а то я не захочу с тобой говорить, северянин! Или подниму такой шум, что сюда сбежится весь народ из таверны, и тот, с

толстой мордой, что караулит у ворот, подоспеет первым!

— Ха-ха-ха, клянусь Кромом, да ты шутник! Говорить не захочешь! Еще как захочешь! А шум тебе так же нужен, как и мне, так что шуми, и посмотрим, что получится. Ха-ха-ха! — Киммериец на мгновение зажмурился, давясь негромким смехом. Этого было достаточно, чтобы Гайяр, как дикий кот, взлетел на забор. Еще немного, и он бы оказался на улице, но киммериец, метнувшись вслед за ним, поймал мальчика за ногу и стащил обратно. Они покатились по земле, приминая колючки и осыпая друг друга сдавленными проклятиями:

— Ах ты, сын бродячей суки, улизнуть хотел! Ну, теперь держись! Шею сверну, если вздумаешь дергаться!

— Бревно киммерийское, не дождешься, все равно уйду! Лучше отпусти, болван, ты мне все дело испортил!

— А-а-а, вот и проговорился, молокосос! Ладно, сиди смирно и выкладывай все по порядку, а потом уж я решу, что с тобой делать... Хотя признаю — парень ты смелый и сразу мне понравился. Как ловко сиганул через забор — еле тебя схватил. Ты вообще-то откуда?

— Из Аренджуна... Только сегодня пришел в Шадиэар.

— И сразу сюда, к Нергалу в пасть? Я хотел сказать — к Шафрасту? Ну, ты или дурак, или большой хитрец!

— А ты сам-то что тут жмешься у конюшни? Похоже, и у тебя есть дело к почтенному Повелителю Хитрецов — так ведь его здесь называют?

— Да какой он Повелитель Хитрецов! Бестия и плут — это точно, но без черного перстня я за него не дам и сухой мандариновой корки.

— Ты что-то против него имеешь, киммериец? Или он против тебя?

— Ого, а ты прыткий малец! Сразу понял, что к чему. Кр-ром, мне это даже нравится! Как тебя зовут-то, приятель?

— Гайяр... А ты — Конан, так?

— Молодец, запомнил. А теперь лезь за мной, и чтоб без всяких штучек. Здесь нам сегодня, похоже, делать нечего, так что пойдем в хорошее местечко, посидим, потолкуем.— Киммериец дружелюбно улыбнулся, но холодные искры, мерцающие в светлых глазах, ясно показывали, что лучше быть его союзником, чем врагом.

Две тени беззвучно перемахнули через забор и, не потревожив чуткий слух стражи, исчезли за поворотом.

Постоялый двор, куда Конан привел Гайяра, находился на другом конце города, но узкие вонючие улички здесь мало чем отличались от Пустыньки — разве тем, что ютились в этом районе бедные ремесленники, старьевщики и водоносы. Стражники, время от времени обходившие

богатые кварталы, в такие места обычно не заглядывали. Вот и сейчас свет их факелов мелькнул вдалеке, и вновь сгустилась ночная темень. Полуоткрытые ворота тихо скрипнули. Двою вошли во двор: в глубине виднелись невысокие постройки и тускло светилось несколько окон.

— Вот здесь и поговорим. В таверне у Фаруса спокойно, нам никто не помешает... — И киммериец подтолкнул Гайяра к двери.

Еще там, в закутке за конюшней, запыхавшись от борьбы, Гайяр сообразил, как ему повезло. Но ведь так и должно было быть! Боги с рождения любили его и всегда посыпали в нужный момент удачу. Вот и сейчас... Сразу видно, что до Шафраста просто так не добраться, а этот варвар может ему помочь. Но и он, Гайяр, для чего-то нужен киммерийцу, возможно, для того же самого... Губы мальчика приоткрылись в лукавой усмешке, и он толкнул тяжелую дверь.

От запаха горячей похлебки, местного вина и крепкого пота у Гайяра на миг перехватило дух.

Он остановился, оглядываясь, но кулак киммерийца легонько подтолкнул его вперед.

— Ступай вон туда, к потухшему очагу. Эй, Фарус, где ты шляешься?! Люди хотят вина, а он уже спит!

— Кто это спит, это Фарус-то спит? — с притворным возмущением воскликнул щуплый красноносый человечек, появившись перед ними как из-под земли, — я вообще никогда не сплю! Иначе бы разорился. Так чего желает могучий Конан и его юный друг? Грудки цыплят, вымоченные в уксусе и запеченные в хрустящем тесте? Или барабаний бок с чесноком? Или...

— Неси всего, и побольше! Но не сюда, а в ту комнату с выходом во двор, ну, да ты знаешь... Ведь там никого нет?

— Нет, нет, как приказано, стоит пустая и ждет тебя, киммериец, словно верная жена!

— Ну, то-то же, мошенник! Не для того я плачу тебе по золотому за ночь, чтобы ты пускал туда всяких заезжих купчишек!

— Ох, всего-то один раз такое случилось, а ты все поминаешь! Можно бы и забыть! А вина какого желаете?

— Неси красного пуантенского, да не вздумай подсунуть здешнюю кислятину! А насчет моей комнаты — еще радуйся, что легко отделался! Два зуба за обман — невелика плата! — И Конан легонько ткнул хозяина кулаком в грудь. Тот согнулся, закашлялся, из глаз потекли слезы, но умильная улыбка еще шире расцвела на его лице:

— Сейчас... кхе-кхе... Сейчас все принесу! Эй, Гина, бездельница,

беги скорей в погреб за вином! Из маленькой черной бочки!

Прокашлявшись, хозяин скрылся за дверью, и оттуда тотчас послышался его сердитый голос, распекавший задремавших поварят.

— Собаки любят хозяйскую ласку! Видишь, как забегал! Знает, каналья, что хорошо поживится, когда Конан навестит его дыру... Ну, пошли, сейчас он все принесет.

Киммериец уверенно направился к лестнице, но не стал подниматься по ступенькам, а нырнул в темноту под ними. Гайяр обогнул заляпанные жиром и винными подтеками столы, где полусонные гуляки допивали свое вино, и, пригнувшись, вошел вслед за варварам в темную комнату.

Сзади зашуршало платье, и молоденькая служанка внесла светильник. Ее глаза целомудренно смотрели в пол, но вспыхнувшие щеки и готовые рассмеяться губы говорили, что она давно забыла о скромности — если вообще знала, что это такое.

— А где же вино?! Я слышал, хозяин посыпал тебя за ним! Я и сам мог взять со стола светильник! Ох уж эти девчонки! Одна другой красивей, и одна другой глупее! Ну, ладно, ладно, не хмурься, а быстро беги за вином, да бочки не перепутай! Ну, что встала? Нет, сегодня я к тебе не приду, есть дела поважнее... А завтра — жди!

Девушка, одарив киммерийца восхищенным взглядом, улыбнулась и выбежала за дверь.

Гайяр сел на лавку у небольшого стола и огляделся. Комнатушка оказалась маленькая, с низким потолком, явно не рассчитанная на постояльцев, а служившая скорее убежищем для тех, кто вынужден прятаться или тайно с кем-то встречаться. Отдельный выход во двор был главным преимуществом этой клетушки, а дверь под лестницей, сливавшаяся с темной обивкой стен, скрывала ее от любопытных глаз.

— Ну, как тебе моя нора? Конечно, лучше ночевать наверху, но я в последнее время предпочитаю такие вот берлоги... Мерзавец Шафраст! Я тебе это еще припомню! — Конан уселся напротив Гайяра и стукнул кулаком по столу.— Чтобы я, Конан, да прятался, как лисица от псов? Тыфу, дерньмо Нергалье! Что же это Фарус застрял? Ну, пройдоха, дождется, что я сам пойду на кухню! Тогда он двумя зубами не отделается!

— Слышу, слышу, Конан, не горячись! — Дверь скрипнула, пропуская улыбающегося хозяина.— Несу, все несу, только не ходи на кухню! В прошлый раз ты погнул две жаровни и большой котел дал трещину! А уж о мисках, плошках и говорить не приходится! Посмотри лучше сюда — вот цыплячьи грудки, нежные, как у юной девушки, а вот и кешаб с базиликом! Эй, малый, где ты там? — Фарус обернулся к двери.

Мальчишка в обляпанной жиром рубахе внес огромное блюдо с дымящейся бараниной, поставил на стол и опрометью выбежал вон, не дожидаясь хозяйского подзатыльника. Вскоре он вернулся с пышными лепешками на плоской расписной тарелке.

— Страйся, страйся, когда-нибудь эта таверна будет твоей! Спасибо отцу скажешь, что научил уму-разуму! Меня самого тоже с малых лет к кухне приучали! — без умолку болтал хозяин, ловко расставляя на столе кубки и блюда. Неслышно вошла служанка, поставила на стол огромный кувшин с вином и, сверкнув глазами в сторону киммерийца, исчезла.

— Что ты там ворчишь о погнутых жаровнях и дрянных глиняных плошках? Тебе они, небось, обошлись в пару золотых, а я отвалил целый кошелек! Да за эти деньги можно было купить серебряную посуду на весь квартал, а ты все ноешь! Небось только и мечтаешь, чтобы Конан еще разок похозяйничал у тебя на кухне, а? Ну, ладно, иди, да на всякий случай принеси еще кувшин, разговор у нас будет долгий. И посматривай там, как договаривались!

— Будь спокоен, я до рассвета глаз не сомкну, а мой постреленок у ворот покараулит! — Фарус вышел, тихо прикрыв за собой дверь, а Конан, отстегнув меч, положил клинок рядом с собой на лавку.

— Ну, давай закусим, а то я с утра не ел, сидя в этих проклятых колючках. Набить бы ими полные штаны негодяю Шафрасту, вот я бы посмеялся! — Киммериец налил себе вина, разломил лепешку и жадно принялся за еду.

Гайяр, хрустя куриной косточкой и прихлебывая душистое пуантенское, не таясь разглядывал киммерийца. Он был моложе, чем показался в темноте за конюшней,— лет семнадцати или восемнадцати, но сильное гибкое тело с буграми мышц выдавало опытного бойца, холодные голубые глаза таили опасность, как сталь клинка. Интересно, что привело его во двор к Шафрасту? И Гайяр первым нарушил затянувшееся молчание:

— Позволь спросить, киммериец, что за счеты у тебя с Шафрастом? Ведь он — повелитель здешних воров и мошенников, а ты, похоже, не занимаешься ни тем, ни другим?

Киммериец поперхнулся вином, закашлялся и оглушительно расхохотался:

— Что?! Ни тем, ни другим?! Ха-ха-ха, вот сказал, так сказал! А кто же я, по-твоему? Ну-ка, говори, а я послушаю!

— Так ты тоже... вор?! Мне показалось, что ты — из свиты какого-нибудь вельможи, телохранитель или воин... Твой меч, шелковый пояс, мягкие кордавские сапоги...

— Ох, мальчишка, не могу больше смеяться, что ж, по-твоему, воры должны ходить в лохмотьях и с нечесанными волосами?! И единственное их оружие — короткий кинжал? Сразу видно новичка. О, послушай, это то, что надо! Кр-ром, как ты кстати подвернулся!

— Так что там у тебя с Шафрастом? Если ты и вправду вор, то кое-что я, кажется, понимаю... Но не сочи за дерзость, расскажи, в чем дело!

— Нет, это мне нравится! Я притащил тебя сюда, чтобы слушать, а не рассказывать! Хотя все равно пришлось бы... Так что слушай.

Взяв в руку полный кубок, киммериец на мгновение задумался. Густые черные брови сошлись к переносице, губы скривила недобрая усмешка. Тряхнув волосами, Конан осушил кубок и отодвинул блюдо с кешабом:

— Эх, будь у меня этот перстень, черный перстень Бела, я бы тогда... Но и без него я неплохо потрошу здешних купцов! Ха, сколько раз я перебегал дорогу Шафрасту, называющему себя Повелителем Хитрецов! Сколько раз уводил из-под носа его людей добычу, которую они уже считали своей! Да, здесь сейчас пошла большая охота, и дичь — это я — Конан из Киммерии!

— Они что, хотят убить тебя?

— Нет, гораздо хуже! Шафраст хочет, чтобы я на него работал... Я, Конан!!! Тыфу, деръмо Нергалье! У него все шадизарские воры на побегушках, каждый вечер приносят добычу и получают лишь часть... Эх, что делается! Во что превратился свободный промысел! И как они трясутся перед этим мерзавцем! Правда, перстень приносит всем удачу, но есть что-то еще, какая-то странность, и я не покину Шадизар, пока не узнаю, в чем тут дело. А ты, приятель, мне в этом поможешь! Самому мне нельзя показываться в Пустыньке, да и здесь приходится быть осторожным... а ты, с твоими круглыми глазами и разинутым ртом, пойдешь туда и все разузнаешь! Ну, а теперь говори, тебе что нужно от Шафраста? Ведь не напоминать же ты к нему пришел?

— Ты прав, киммериец, здесь, в Шадизаре, сейчас идет большая охота... Я, Гайяр, охочусь за Шафрастом, вернее, за его черным перстнем!

Конан хотел было расхохотаться, но глаза Гайяра, всего несколько мгновений назад такие круглые и простодушные, вдруг вспыхнули зловещим золотистым огнем, а в зрачках заплясали красные искры. Складка гнева легла меж бровей юноши, когда он заговорил хриплым от волнения голосом:

— Кем он себя называет, отродье свиньи и шакала? Правнуком Закко? Его наследником? Ну, так он лжец, и каждое слово его — зловонная болотная жижа! Моя мать, Рафала, правнучка Закко, а перстень был

похищен у моего деда — Ловкача Эмета! Он полюбил Шафраста, как сына, и хотел, чтобы тот стал ему зятем. Моя мать отдала ему свое сердце... Да и, правду сказать, негодяй этот мог льстивыми речами кого угодно завлечь и одурманить; да и красотой его боги не обидели. Что ему стоило втереться в доверие к наивной девушке! Но ему была нужна не жена, а только черный перстень. И Шафраст, конечно, не желал примириться, что талисманом Бела будет владеть не он, а Рафала, дочь Эмета. Проклятый ублюдок был без ума от магических предметов, собирая их где только мог, воровал, выменивал... Он хвастал матери, что среди самых ценных его сокровищ — волшебная плеть и флакон синего хрусталия, чудесные вещицы, которые помогут ему добиться власти и богатства. Плеть, если ею хлестнуть человека, тотчас превращает несчастного в собаку. А в синем флаконе — эликсир, крушащий любое железо... Мой дед, Ловкач Эмет, был нескованно рад заполучить дочери такого мужа, но вышло совсем по-другому. Однажды ночью Шафраст, задушив верную служанку, пробрался в спальню моей матери и силой овладел ею... Она отказывала ему в этом, пока их не соединяли узы брака, но негодяй не желал ждать!.. Я впервые в жизни рассказываю об этом, и каждое слово причиняет мне боль, но я хочу, киммериец, чтобы ты почувствовал всю глубину моей ненависти!.. Наутро Шафраст исчез, вместе с ним и перстень, а в покоях Эмета нашли мертвого рыжего пса... Рафала, моя мать, похоронила его со всеми почестями, как своего отца... Уж она-то знала, в чем дело...

— Так ты... Ого-го, вот это да! Ты — его сын? Ну и дела!

— Да, киммериец, по крови я его сын, но хочу лишь одного: вернуть Рафале перстень и привести в Шадизар на веревке пса... пса Шафраста! Я дал клятву и от нее не отступлюсь!

— Значит, тебе нужен не только перстень?

— Нет. Я хочу получить все, чем владеет этот негодяй! Только так он искупит долг крови перед нашей семьей. Однако я клянусь, что, кроме самого Шафраста, ни на ком и никогда не использую проклятую плеть! Лишь для этого я должен заполучить ее. А с ее помощью — и перстень. Он приносит удачу в кражах, обманах, плутнях, торговле и оберегает владельца от смерти. Насильно снять его с руки хозяина невозможно.

— Поэтому-то Шафраст и похваляется им каждый вечер! Ну, ладно, ночь уже кончается, послушай-ка, что я придумал!..

Потрескивал догорающий светильник, один за другим пустели кувшины, жир застывал на кусках недоеденного мяса, а юноши все шептались, то склоняясь почти вплотную друг к другу, то откидываясь назад и негромко смеясь.

Небо за окном из черного стало темно-синим, утренняя звезда блистала, как алмаз в короне божества, а Конан все наставлял Гайяра, как следует держаться и что говорить.

За дверью раздался тихий стук, повторившийся еще два раза. Конан легко поднялся и беззвучно отодвинул засов. Вошел Фару с, неся на небольшом подносе две кружки с ароматным дымящимся напитком. Ноздри Гайяра затрепетали, глаза, покрасневшие от бессонной ночи, жадно блеснули.

— Фарус дело свое знает! Горячее вино с травами простищает голову и придает силы телу!

— А рукам — ловкость! Держи, плачу вперед, и запомни этого мальчишку: когда бы он ни пришел, приведешь его сюда или спрячешь, если понадобится! Все понял?

— Еще раньше, чем ты сказал, киммериец! Может, принести горячих пирожков с требухой?

— Ладно, давай, неси... Постой, постой, скажи прежде, где с утра можно найти дурачка Иsonа? У городских ворот, говоришь? Ну, ладно, пошли...

Жуя на ходу пирожки, они выскользнули за ворота. Рослый киммериец быстро шел впереди, а далеко позади плелся беспечный мальчишка в сдвинутой набекрень шапке.

Глава третья

Свежая прохлада раннего утра ласкала открытую шею, вливалась в горло родниковой водой, дразнила запахом спелых плодов и влажных листвьев. Солнце, едва показавшееся над городской стеной, еще не успело высушить росу и накалить камни мостовых. Конан, жмурясь от удовольствия, вдыхал живительный воздух, подставлял легкому ветерку грудь. Распахнутая рубаха из тонкого полотна надувалась на спине пузырем, варвар шел не спеша, и со стороны казалось, что беспечный черноволосый гигант полностью занят приятными мыслями — то ли о возлюбленной, которую только что покинул, то ли о друзьях, ждущих его в ближайшей таверне...

Но ни возлюбленная, ни друзья не волновали сейчас Конана: глазами, привыкшими мгновенно замечать все вокруг, он незаметно скользил по лицам, разыскивая в толпе, запрудившей площадь, дурачка Иsona.

Ворота уже были распахнуты. Как и каждое утро, скрипели несмазанные колеса повозок, ржали лошади и вопили погонщики. Стражники со звономсыпали монеты в кошель, а писец, еле поспевая, записывал, с кого сколько получено.

Громкий хохот, раздавшийся неподалеку, привлек внимание киммерийца. Обойдя пару сцепившихся повозок, он раздвинул плечом смеющихся купцов и слуг, хватавшихся за животы.

Посреди толпы, уворачиваясь от летевших в него камешков и дынных корок, приплясывал человек в женском грязном халате. Тощий и долговязый, в шароварах, едва доходивших ему до щиколоток, в стоптанных туфлях, хлопавших по черным растрескавшимся пяткам, он прыгал и приседал, пытаясь поймать мальчишек, с визгом и хохотом осыпавших его объедками.

Заложив руки за пояс, Конан остановился за спиной толстого купца и быстро огляделся. В толпе напротив, около крытой повозки, мелькнуло смеющееся лицо Гайяра, и хитрый золотистый глаз подмигнул киммерийцу. Да, мальчишка смыслен, сразу все понял. Дальше пусть действует сам. И Конан скрылся в толпе, прихватив заодно увесистый кошелек, болтавшийся на поясе хохочущего купца. Теперь ему легче будет смеяться! А тощий человек все скакал в центре небольшого круга, нелепо размахивая руками и осыпая проклятиями нахальных мальчишек:

— Ах вы, мерзкие отродья! Да падет на вас чума, на вас и на ваших матерей! Эти негодные твари, как видно, грешили с кем попало — с ослями, шакалами, змееголовыми демонами и городскими стражниками! Ну, попадись только мне, ты, шелудивый щенок,— завопил он, пытаясь поймать шустрого мальчугана, угодившего ему в лицо гнилым абрикосом, — попадись только в мои руки, и я тебя отдаю так, как сделал старый писец своего сына! Да, писец — это человек, достойный уважения! А-а-а, опять, опять!

Гайяр со смехом смотрел на его прыжки и гримасы, на то, как он подтягивал дряблые щеки к самым глазам, обнажая кривые желтые зубы. Бегающий взгляд дурачка Иsona не останавливался ни на одном предмете, ни на одном лице, а костлявые руки тщетно пытались поймать мальчишек, скакавших вокруг безумца, как обезьяны.

Один из купцов, смахивая с глаз слезы и все еще смеясь, потянул Иsona за рукав замызганного халата, приглашая подойти к своей повозке:

— О почтенный, твои слова полны великого смысла! Поистине, эти шалопаи, что скачут за твоей спиной — порождение грязных шлюх, а уж кто были их отцы — про то лучше всего известно Нергалу! — И он подмигнул своим товарищам, предвкушая большую потеху.— Но ведь мудрые всегда терпели гонения и побои, разве не так?

Иson опасливо покосился на мальчишек и, погрозив им кулаком, подошел поближе к купцам:

— Да, почтенный лекарь, ты прав! Мудреца сразу можно отличить от остальных! Только хитрецы и пройдохи получают в награду золото, нашептывая государям всякую чепуху, от которой разрушаются царства! А мудрому достаются в удел синяки и шишкы да еще смех глупцов! Так-то вот, лекарь!

— А почему ты называешь меня лекарем? Я — купец, у меня целый обоз дорогого товара, и вдруг — лекарь! Нет, мудрейший, тут ты дал маху! — И купец нахмурился, увидев, что теперь смеются уже над ним.

— Так ты купец? Вот ведь как можно ошибиться! — Дурачок подпрыгнул и стал рвать на себе волосы.— А я-то, ничтожный, принял тебя за лекаря Маруфа, что живет у Большой Лестницы! Нет, нет, не шути, ты и вправду Маруф! Только он так небрежно красит бороду, что половина волос черна, как сажа, а половина — пегая, как у старой собаки! Но если ты и вправду купец, то прими совет мудреца: подмолоди себя получше, чтобы женщины и девушки покупали товары только у тебя, а не у других торговцев! Будь я женщиной, я бы зашел в лавку только к такому молодцу! — Городской сумасшедший повернулся к молодому безбородому купцу.—

Э-э-э, но, похоже, я опять ошибся! Ведь ты — ленивый сын того самого писца, разве не так?! — И дурачок опять запрыгал, скалясь и закатывая глаза. Мальчишки, только что шептавшиеся за его спиной, куда-то делись, и народ придинулся поближе, чтобы послушать занятные речи. В Шадизаре, как, наверное, и в других местах, любили сумасшедших: язык у них часто бывал подвешен неплохо, да и денег за развлечение никто не требовал...

Но Гайяр, стоявший неподалеку, прекрасно видел редкие пронзительные взгляды, что кидал этот тощий человек на ватагу мальчишек, и они, повинуясь беззвучным приказам, то затахали, то начинали орать и швырять гнилые корки. А сейчас юнцы, словно позабыв о своей забаве, юркнули в толпу и исчезли за спинами зевак. Гайяр с интересом смотрел, как, толкая то одного, то другого, шустрые сборщики базарной подати ловко облегчали тугие пояса и срезали кожаные кошельки. Мальчишки, пощипав зевак, скрылись между повозками. Шадизарец хмыкнул — да, богатые купцы сегодня недосчитываются кое-чего из привезенных товаров! Зато они потешатся вволю, смеясь над речами дурака! Ох и ловкач же этот Исон!

Молоденький купец вспыхнул жарким румянцем, его руки невольно скжались в кулаки. Теперь уже с облегчением засмеялся купец с крашеной бородой, радуясь, что его оставили в покое:

— Ну, какой же он сын писца! Он — сын старого Шатура, свет его очей, единственный наследник!

— Ох и хлопотное же это дело — быть купцом! — Исон прислонился к тюкам и задумчиво поскреб грязную шею.— А вот был бы ты сыном писца, научил бы он тебя уму-разуму! Вот послушай, что он говорил своему лоботрясу, охаживая его розгой: «Писец в столице подобен мыши в амбаре — никогда не пропадет!» И правда, какое ремесло может по выгодности равняться с искусством писца! Конечно, ученикам, этим бездельникам, только и мечтающим, как бы нажраться и напиться вина, приходится изрядно попотеть, пока они до тонкостей освоят это ремесло, но розга, божественный прут в руке терпеливого учителя, в конце концов выбьет дурь из непутевых голов... Да, купец, и этим скверным мальчишкам тоже не помешала бы розга... Розги, розги, дайте мне розги! Я спущу с них шкуру, с этих маленьких мерзавцев!

Исон опять задергался, в уголках губ появилась пена, дрожащие руки, пытаясь схватить невидимого врага, вцепились в полу парчового халата молодого купца. Тот в испуге попятился и чуть не упал под колеса повозки. Его товарищи, не желая так быстро кончать развлечение, оторвали цепкие

руки дурачка от халата, и старый купец, пряча в усах усмешку, почтительно спросил:

— О мудрейший, не продолжишь ли ты свой рассказ о выгодах столь доходного ремесла? Быть может, тогда я отдам своего сына в учение...

— Ремесла? Какого ремесла? Нет, не отдавай, не отдавай своего сына в ученики к лекарю, он такой мошенник! Если у тебя заболит ухо — он вырвет зуб! Пускай твой сын лучше станет писцом! Ведь посмотри, почтенный, какие муки терпит строитель — ему приходится лазить по стенам, подобно обезьяне, рваному, грязному, в синяках! А садовник?! С утра до вечера надрывает он свой пуп, таская на себе мешки с землей и сосуды с водой для полива... А возьми купца?! Тыфу, какое скверное дело — быть купцом! Бросать свой дом, молодую жену, чтобы тащиться неведомо куда, жевать сухой кусок, пить тухлую воду... Купца жрут комары, на ночлеге могут ужалить змеи, на реках подкарауливают крокодилы. А потом еще и разбойники отберут добро, и хорошо еще, если голову оставят! Зато что за чудная работа у писца! Нет писца, не имеющего ежедневных подарков, а сколько чести в его труде! Ты, купец, скажи своему сыну — ведь он таков же, как и все! — скажи, чтоб сторонился он приятелей, кто шлындрает по тем местам, где подают вино! Стоит только увлечься, как станет он, украшение твоих седин, подобен хромоногому ослу, топору без топорища! Гнусней нет зрелица, чем юнец, пропахший вином, распустивший слюни, сидящий в обнимку с непотребными девками, глядя на их нагую срамоту! Тыфу!

Зеваки, которым наскучила болтовня неугомонного Исона, стали потихоньку расходиться по своим делам. Купцы, посмеиваясь, направили повозки в сторону базарной площади, а дурачок с горящими глазами все стоял, размахивая руками и убеждая невидимых слушателей:

— А если не станет он учиться прилежно — то быть ему простым крестьянином. Что может быть ужаснее такой участии?! Только и гляди, чтобы половину урожая не сожрали черви, а другую не потоптали свиньи. Гоняйся за воробьями, портящими посев, мышами, саранчой. А скоро явятся сборщики налогов... Если не заплатишь, то палками побьют, вниз рожей бросят в яму с нечистотами! Зато взгляни-ка на писца! Его никто не станет бить — напротив, он будет с листом для записей стоять и наблюдать за тем, как потрошат других, да насмехаться! Ведь ему, писцу, налоги незнакомы!

Да, если твой сын выучится на писца, то станет благодарить тебя всю свою долгую и счастливую жизнь! Ведь писец в столице — меня не слышат стражники? — писец в столице поважнее короля!

Последние повозки, прогромыхав, скрылись за поворотом. Стражники достали кости и расположились на ступенях крепостной башни у ворот, за игрой поджиная купцов. Исон опустил руки, потряс взлохмаченной головой и, широко зевнув, направился в тень около стены. Гайяр, наблюдавший за ним из-за широкого уступа, вышел, лениво огляделся и тоже направился к островку тени. Не глядя на дурачка, рывшегося в ветхой суме, мальчик достал свои припасы: то, что сгреб со стола перед уходом из таверны. Тесто с запеченной курятиной вкусно захрустело у него на зубах. Исон, завистливо покосившись, вытащил черствую лепешку и кусок несвежего сыра с налипшими ворсинками. Его ноздри затрепетали, учуяв аппетитный запах мяса, кадык на тощей шее заходил туда-сюда. Гайяр мог поклясться чем угодно, что заплесневелый сыр застревает у Иsonа в глотке. Порывшись в своей суме, он вытащил большой кусок баранины и протянул соседу:

— На, базарный мудрец, поешь! Жаль, что мне больше нечем заплатить тебе за удовольствие от твоих разумных слов! — Оборванец метнул на Гайяра быстрый взгляд, и тут же глаза его снова забегали, губы затряслись, а протянутая к мясу рука остановилась на полдороги.

— Да брось ты! Я эти штуки знаю! Ты такой же сумасшедший, как я — писец! Ха-ха! И не пускай пену изо рта, лучше выплюнь-ка корешок суходи, а то испортишь вкус мяса. Конечно, если пожевать корень подольше, то сможешь плеваться не хуже верблюда, но ведь сейчас на тебя никто не смотрит!

Исон сплюнул и, косясь на Шадизарца хитрыми пронзительными глазами, вцепился в мясо. Он обгладал кость в мгновение ока и снова уставился на мальчика:

— Что-то я тебя тут раньше не встречал, а уж я, кажется, в Шадизаре каждую кошку знаю... Ты' что, пришлый? Откуда?

— Ну, вот это разговор... Хочешь еще? Бери, бери, я с вечера так наелся, что больше не могу съесть ни крошки! — И Гайяр протянул пирожок.— Ха, а здорово ты плел про писцов да лекарей, купчишки так уши и развесили! А приятели твои их порядком ободрали: я стоял и любовался — чистая работа!

— О-о, да ты, я вижу, понимаешь толк в нашем деле! Но то, что ты в нашем городе новичок,— это я сразу понял.

— Что делать, весь век на одном месте не просидишь, особенно если это Хифора... Но какое-то время и там было неплохо, пока...— Гайяр отвернулся, словно не желая продолжать.

Исон с интересом вытянул шею:

— Хорошо знаю Хифору, приходилось бывать! Обычно там отдыхают караваны торговцев, закупают еду и вино. Да, там есть чем поживиться! Конечно, это не Шадизар и не Аренджун, но жить можно... Так что тебя заставило покинуть столь благословенное место? Промышлял бы себе и промышлял!

— Да, знаешь, как-то скверно все получилось... Я с малых лет остался один, и меня подобрал Гиш, бывший портной, он обучил меня своему ремеслу, а потом, благодаря моим способностям, я быстро перешел от «пришивания» к «отрезанию». Он, мой учитель, приходил в восторг, когда видел, какие я творил чудеса. Ни разу не случалось, чтобы кто-то, повесив кошель на шею или припрятав в поясе, не расстался с ним, если того желала моя душа. Пальцы прощупывали, а заточенный диск срезал вещицу так незаметно, что за все время меня ни разу не приперли к стене, ни разу не накрыли стражники и не донес на меня ни один человек... Старый Гиш, глаза которого уже покрылись старческой мутью, часто говоривал: «Надо тебе, малец, перебираться в Шадизар! Только там ты сможешь показать, на что способен! Чему я не научил — Повелитель Хитрецов научит! Ты только скажи, что тебя послал старый Гиш, он тебя примет, как родного!» — Мальчик замолчал, задумчиво отщипывая крошки от пирога и бросая их вечно голодным воробьям.

— Я вижу, ты так и сделал, малый?

— Нет, я не собирался идти в Шадизар, мне и в Хифоре было неплохо, к тому же Гиш заменил мне отца... Сидел бы тихо, а я бы прокормил и себя, и его, так нет, понесло старика на площадь поглядеть на богатый вендиjsкий караван! Говорил ему — не ходи, добром не кончится... Так оно и вышло!

— Попался? Ну, не завидую!

— Да уж чему завидовать! Тамошние купцы давно на него зуб имели, а тут такая удача — прямо за руку схватили, когда он надрезал тюк. Тут же стражники с ним и разделались — отрубили сначала руки, потом за ноги привязали к жеребцу и протащили вокруг площади... Народ хохотал и швырял в него камни, а я стоял у стены и плакал, как... как ребенок... А потом ему отрубили голову. Я больше ни мгновения не оставался в Хифоре, тут же вышел за ворота и направился в сторону Шадизара. Теперь вот сижу рядом с тобой и думаю — как в таком большом городе мне найти Повелителя Хитрецов? Наверное, он живет в одном из этих богатых домов с крышей, покрытой красной черепицей? Или в каком-нибудь дворце?

— Ха-ха-ха, да ты хоть и мнишь себя изрядным вором, все-таки еще простофиля и деревенщина! Во дворце, вот сказал-то! Ну, не хмурься,

тебе просто повезло, что встретил меня! Ты думаешь, я кто? Дурачок Исон? Конечно, для дураков и я — дурак, а для ловкача Шафраста — лучший друг и главный советник! Если тебя к нему приведу я, то Повелитель Хитрецов отнесется к тебе неплохо, гораздо лучше, чем если бы ты пришел к нему сам... Может быть, даже освободит тебя от испытания! Спасибо скажешь мудрому Исону!

— Да я... Да я прямо сейчас готов отблагодарить тебя! Вот, возьми этот кошель, я снял его, когда ты смешил купцов, и он поистине твой! Так когда же ты отведешь меня к Повелителю Хитрецов?

— Сегодня вечером... Как тебя кличут? Я ведь должен знать, о ком говорю. И как там звали твоего подслеповатого благодетеля?

— Мое имя — Гайяр, Гайяр из Хифоры, а мой приемный отец — старый Гиш...

— Ну ладно, когда солнце зайдет за городскую стену, встретимся здесь же... А пухленький кошель ты срезал, чистая работа! Пойду пока на базар, меня там тоже ждут и любят... — Исон поднялся, отряхнул с колен крошки и, не оглядываясь, поплелся через площадь. Солнце уже припекало вовсю, и скучная тень у стены почти совсем съежилась. Гайяр встал и отправился бродить по городу — незнакомое место необходимо изучить получше, вдруг придется уносить ноги...

Он потолкался по базару, издалека посмотрел на богатую лавку купца Расата, прошелся по широким улицам, мощенным гладким камнем и политым водой. За высокими стенами вздымались к небу стройные тополя, соперничая с белыми башнями роскошных дворцов. А дальше — опять пыльные улочки, грубый серый камень невысоких заборов, узкие калитки и ворота с незатейливой резьбой, — добротные дома ремесленников. И вдруг, как видение, за поворотом — белая стена и сияющий позолоченный купол. И опять в воздухе плывет запах распустившихся роз, а под ногами узорные, политые водой плиты.

К вечеру Гайяру уже казалось, что он пешком проделал путь от Аренджуна до Шадизара — так ныли усталые ноги, так запеклись губы от жажды. Выпив у бродячего торговца пару кружек красного вина, изрядно разбавленного водой, он поплелся к городским воротам. Солнце еще только коснулось края стены, и Гайяр с облегчением сел на теплую землю, вытянув усталые ноги. Стражники негромко переговаривались, готовясь запирать ворота. Площадь была пуста.

Надвинув шапку по самые брови, Гайяр прислонился к стене и прикрыл глаза. Он знал за собой это свойство — если посидеть вот так, в тишине и покое, совсем недолго, то усталость уйдет, а тело снова будет

полно сил, словно после ночи крепкого сна...

Гайяр прекрасно расслышал легкие крадущиеся шаги, и сквозь полуопущенные ресницы увидел ноги в рваных туфлях. Короткие штаны, тощие лодыжки — это пожаловал дурачок Исон, чтобы сдержать свое слово.

Мальчик сидел неподвижно, притворяясь спящим, а Исон присел на корточки, и худая рука с длинными пальцами осторожно потянулась к поясу Гайяра — похоже, его новый покровитель хотел вознаградить себя сверх предложенного. Не открывая глаз, Гайяр негромко рассмеялся:

— Я вижу, ты хочешь разбудить меня, добрейший Исон? — Янтарные глаза широко раскрылись, и юноша с простодушной улыбкой взглянул вверх.— О, да солнце уже почти опустилось за стену, и нам, наверное, пора идти... Но прежде я охотно бы промочил горло, по вечерней-то прохладе! А как ты думаешь, когда лучше пить — утром, днем или вечером?

Гайяр вскочил и, поправив шапку, весело уставился в хитрые зеленые глаза Иsonа.

— Я вижу в тебе, юноша, склонность к размышлению и охотно поделюсь своим опытом, пока мы идем в одно местечко... Тут совсем близко, но я успею просветить твой разум! — И, размахивая руками, как будто его слушала целая толпа зевак, он начал: — Вино, мой мальчик, может быть другом, а может оказаться и врагом, особенно в нашем ремесле... Одна-две кружки ранним утром обострят твои глаза, сделают чуткими уши, уймут дрожь в руках, особенно если вчера... Ну, ладно, это я так... Но осторегайся пить вино днем, в жару, иначе не видать тебе удачи! Глаза и уши тебя обманут, руки предадут, а сам ты только и будешь бегать в кусты, вместо того чтобы прилежно работать! Запомни, мальчик, пополудни лучше выпить две большие кружки кислого молока, чем одну маленькую — вина! Но вот наступает вечер, все дела сделаны, можно забыть о тревогах и заботах до утра... И тут вино становится твоим лучшим другом! Правда, оно, как и лучший друг, может подложить тебе свинью. Не удивляйся, если наутро ты проснешься без кошелька, без новых сапог, без рубахи! Зато тебе было хорошо, ведь так? Ну, ты, наверное, уже понял, что наступило лучшее время, чтобы выпить! Эй, куда ты разбежался, нам сюда!

Исон спустился по нескольким щербатым ступенькам и толкнул обшарпанную дверь невзрачного дома:

— Лучшее заведение на этой улице! По пути к хитрецу Шафрасту я всегда сюда заворачиваю. Ну, новичок, ты угощаешь!

Когда они покинули веселый подвалчик, облегчив пояс Гайяра на несколько монет, солнце уже зашло. Зеленоватое небо украсилось первыми

звездами. Черные силуэты башен и раскидистых деревьев обступили узкую улочку.

Гайяр шел той же дорогой, что и вчера, но теперь он не прятался и не жался по стенам. Исон брел впереди, и старые туфли громко хлопали задниками по мозолистым пяткам. То и дело их обгоняли фигуры, закутанные в широкие плащи. Обменявшиеся с дурачком несколькими тихими словами, они бесшумно скрывались в темноте. Нагревшаяся за день бурая жижка, наполнявшая глубокие канавы, источала невыносимый смрад. Гайяр невольно зажал рукой нос. Словно увидев его жест, Исон ехидно засмеялся:

— Что, не нравится? Привыкай, дружок, привыкай! Главное, шадизарским стражникам тоже не нравится вонь здешних канав, так что они обычно сюда и носа не кажут... В каждой вещи, мальчик, есть две стороны, хорошая и плохая, так вот и в этом деръме...

Они не спеша подошли к знакомым воротам. Исон тихонько свистнул, и тут же от забора отделился часовой:

— Кто это? Исон, ты, что ли?

— Конечно, я! А ты, похоже, спиши у ворот, если не узнаешь меня по походке! Ну ладно, смотри в оба, а то Шафраст велит приласкать тебя таргоной! Ты, мальчик, знаешь, что такое таргона? — обернулся он к Гайяру, и его зеленые глаза сверкнули, как у кошки.— Это такой сыромятный ремень с шипами и крючьями. Наматываешь один конец на руку, другим с размаху лупишь по голой спине — р-раз, два, тр-ри! Мясо летит клочьями, кровь брызжет во все стороны, зато кости целы. Здорово, правда? И запоминается надолго...

— А кто это с тобой? Он не из наших, я даже в темноте это вижу!

— Это мой друг, достойный лицезреть Повелителя Хитрецов. Я думаю, он-то не будет терять времени, стоя у ворот! Его, похоже, ждут крупные дела — или я, Исон, совсем уже ослеп! Ну, не зевай, и чтоб ни одна чужая собака сюда не забежала! Пошли, Гайяр!

Сторож, что-то ворча себе под нос, повернулся к воротам. Они пересекли широкий двор, приближаясь к таверне. Гайяр шел немного позади Иsonа, уверенный, что киммериец следит сейчас за ними откуда-нибудь из-за кустов или кучи ветхого хлама. И от этого парню сразу стало легче, сердце, вдруг гулко забившееся в груди, немного успокоилось... Сейчас, через несколько мгновений, он увидит человека, ненависть к которому родилась вместе с ним. Он должен победить, должен утолить эту ненависть, чтобы жить дальше свободным, не ощущая больше в груди ее иссушающего пламени...

Исон толкнул дверь, и они вошли в просторное помещение с несколькими длинными столами. Таверна как таверна, грязная и закопченная, подобная любой другой, где не бывает богатых гостей, а толкутся лишь веселые голодранцы. Так же кисло пахнет разлитым вином, так же несет пригорелым луком... К ним, почтительно сгибаясь в поклоне, подбежал пухленький человечек. Клочки пегих волос беспорядочно торчали на плешивой голове, за ушами, под носом и на подбородке. Гайяр чуть не прыснул со смеху — уж очень он был похож на недощипанную курицу. Как там его называл Конан? Облезлый Гамар? Пожалуй, лучше не скажешь!

Между тем Исон, пошептавшись с хозяином, потянул мальчика за рукав и усадил в дальнем углу, где пока еще никого не было:

— Подожди здесь, малец, а я пойду замолвлю за тебя словечко! Можешь чего-нибудь выпить, но не вздумай напиться!

Гайяр остался один. Исон теперь лишь нелепой одеждой напоминал базарного придурка. Этот пройдоха с лицом, исполненным достоинства, важной походкой направился к широкой двери в глубине зала, около которой, обнажив мечи, стояли два дюжих зембабвийца. Их вытаращенные глаза с ослепительными белками, приплюснутые носы, вывороченные губы, черные обнаженные торсы с громадными буграми мышц производили устрашающее впечатление. Здесь, среди скопища разношерстных бродяг и воришек, они казались зловещими демонами, только что вылезшими прямо из бездны. Исон, даже не взглянув на безмолвных великанов, скрылся за тяжелой дверью.

Вздохнув, мальчик отвел глаза. Он не любил черных наемников, они казались ему тупыми и слишком злобными. Ну, охранять покой вельмож или переть напролом в драке — на это чернокожие вояки еще годились: такие легко могут напугать слабого духом противника... Однако гораздо интереснее было рассматривать подданных Повелителя Хитрецов, тем более что из своего угла он легко мог это сделать, не привлекая ничьего внимания.

Ближе всех к двери, за которой скрылся Исон, сидели три старца весьма почтенного вида: благородные седины, бархатные шапки без лишних украшений, добродетельные халаты — они выглядели как богатые купцы, ушедшие от дел, к мудрости и совету которых прибегают те, кто помоложе. Перед ними стоял большой серебряный кувшин, чеканные кубки, свежие тонкие лепешки и гора фруктов на овальном блюде. Старики негромко переговаривались, мелкими глотками прихлебывая вино и отщипывая виноградинки от сизой кисти. Изредка они бросали взгляды,

полные тревоги и ожидания, на дверь, охраняемую чернокожими гигантами.

Неподалеку от них сидела стайка чумазых мальчишек. Рядом, на полу, сваленные в кучу, лежали корзины и грязные мешки. Это были разносчики, которые за мелкую монетку готовы отнести что угодно и куда угодно, хоть на край света. Они довольствовались глиняным кувшином с пивом и простыми обливными кружками, жадно поглощая хрустящие хлебцы с запеченным сыром. Изредка кто-нибудь из них, раззадорившись, начинал громко рассказывать о своих дневных похождениях, но остальные, косясь на дверь, тут же останавливали его, безжалостно пихая локтями.

Да, весельем тут и не пахло... Все собравшиеся под крышей этой странной таверны словно настороженно ждали чего-то, поглядывая на плотно закрытую дверь. Негромкий гул голосов и приглушенный смех изредка прерывало треньканье струн — это одногий оборванец, примостившись прямо на полу, возле столба, поддерживающего потолочные балки, задумчиво наигрывал на дзуре, не забывая прикладываться к кувшину, стоявшему рядом.

Гайяр успел разглядеть еще нескольких молодцов за крайним столом в уголке, угрюмо шептавшихся о чем-то, забыв про блюдо с жареным мясом, когда кто-то осторожно похлопал паренька по плечу:

— Это ты — Гайяр из Хифоры? Ступай за мной, Повелитель Хитрецов ждет тебя! — Карлик с большой головой, кривыми ножками и маленькими, как у ребенка, ручками стоял рядом и смотрел на мальчика грустными черными глазами.— Ну, что сидишь? Пошли, пошли! Повелитель Хитрецов ждать не любит!

Он вразвалку пошел вперед, то и дело оглядываясь на Гайяра. Тот поднялся и, провожаемый тяжелыми взглядами, нерешительно пошел следом. Сердце снова несколько раз гулко стукнуло в груди, голова закружилась, но лицо Рафалы, на мгновение вставшее перед его глазами, привело Гайяра в чувство. Сейчас... сейчас он увидит его... сейчас!

Сделав несколько шагов вслед за карликом, шадизарец от удивления невольно широко раскрыл глаза. Поистине, никогда не знаешь, что может скрываться за бурными стенами убогих домишек, в зловонных трущобах, среди мусора и отбросов!

Просторная комната, куда он попал, поражала вызывающей роскошью убранства, особенно после грязного зала таверны с грубыми столами и простыми лавками. Всего несколько шагов отделяло одно от другого, и тем разительнее был контраст. Там, где пили и ели шадизарские попрошайки и воры,— глинобитный пол, голые стены, беленные известкой, и

почерневший от дыма потолок.

Здесь — узорный деревянный пол, длинный зелено-коричневый ковер от двери до возвышения, на которое Гайяр старался пока не смотреть, стены, затянутые дорогими тканями... Резные столбы подпирали балки из розового кедра, с потолка свисали бронзовые кованые светильники столь тонкой работы, что они могли бы украсить дворец какого-нибудь князя...

Наконец мальчик взглянул прямо перед собой. На невысоком возвышении, в золоченом кресле с подлокотниками в виде рычащих львов, сидел человек. Из-под полы его распахнутого парчового халата виднелись ноги в зеленых шелковых шароварах, заправленных в сапоги из тонкой юфти; одна нога нетерпеливо притопывала по мягкому ковру.

Мальчик нерешительно поднял глаза и встретился с жестким насмешливым взглядом. И словно по волшебству, вся его робость, весь страх куда-то исчезли. Теперь-то он понял, чего страшился, что заставляло так сильно биться сердце! Он боялся, вдруг хитрец Шафраст понравится ему, а ненависть и жажда мести сменятся... Нет, ничем они не сменятся! Гайяр, оправившись от внезапного замешательства, сделал еще пару шагов вперед, смело глядя в глаза Повелителя Хитрецов. Тот тоже разглядывал мальчика с интересом. Его властное лицо в обрамлении черных с сединой волос и густой бороды постепенно меняло выражение. Взгляд немного смягчился, губы дрогнули в улыбке:

— Так ты — Гайяр из Хифоры, и ты хотел меня видеть? Тебе повезло: мошенник Исон, мастер долгих речей, разжег мое любопытство, и я тоже пожелал взглянуть на тебя... Вижу, он не соврал, ты производишь хорошее впечатление! Скажу больше — глядя на тебя, я невольно вспомнил собственную юность... Подойди ближе! Так ты, говоришь, искусен в нашем промысле? — Он слегка наклонился вперед, положив крупные руки на резные головы львов. На указательном пальце левой руки неярко блестел простой перстень из темного серебра с крупным черным камнем.

Гайяр почтительно склонил голову и преклонил колено:

— О, Повелитель Хитрецов, что хорошо для Хифоры — в Шадизаре выглядит детской забавой! Поэтому я и пришел сюда. Ведь никто, кроме тебя, не сможет научить меня всем хитростям ремесла! Твои люди неизменно удачливы в делах и в искусстве уносить ноги! Так говорил мне старый Гиш...

— Гиш, Гиш... Вроде знакомое имя. Нет, что-то не припомню... Но, наверное, когда-то встречались! Хифора много раз лежала на моем пути, и я там неплохо промышлял. Гиш, Гиш... А, вспомнил! Да, было между нами маленькое дельце, он тогда еще получил за меня пятьдесят плетей! Ха-ха-

ха! А знаешь ли ты, мальчик, что должен сначала доказать, каков ты в деле?

— А как же иначе, о повелитель ловкачей? Для начала поверь мне на слово — я вчера облегчил одного купца по имени Расат на этот вот узорный кошель... Прими его, а завтра, если пожелаешь, я еще покажу, чему научился у старого Гиша!

— О, Расат! Осторожнейший из купцов! Ну-ка, Исон, передай мне этот кошель. Ого, какой тяжелый! Да, это его знак! Я вижу хоть ты и юн, но созрел для крупных дел! Расат! Он, как скользкая рыба, манит блеском золотой чешуи и никому не дается в руки. А ты, новичок, едва вошел в город, сразу ухватил его за жабры! Расскажи, как тебе это удалось.

— Все было очень просто... Еще по пути в Шадизар его караван притягивал мои взоры, а сам купец, как жирная курица, не давал мне покоя. Вот я и пошел потихоньку следом за ним... В давке у городских ворот лошадь крупом прижала меня к почтенному купцу, который банился с погонщиком... Ну, а потом мы расстались — караван пошел в одну сторону, а я в другую.

— Ловко, ловко и просто, ничего не скажешь! Ну, что ж, Гайяр, я вижу — Бел тебя любит! Поэтому я отменяю испытание, ты сразу пойдешь на дело. Исон, не размахивай руками, ты получишь свою награду... потом, попозже! А сейчас, мальчик, взгляни сюда, на мою руку. Видишь этот черный перстень?

— Вижу, повелитель!

— А ты знаешь, что это такое?

— Нет, Гроза Шадизара, не знаю!

— Хм, Гроза Шадизара?! Неплохо сказано! Так знай, это — чудесный талисман Бела, нашего могучего покровителя! Он приносит нам всем удачу, бережет наши шеи от топора и веревки. Подойди ближе и прикоснись к нему — отныне ты становишься моим подданным!

Гайяр подошел вплотную к возвышению и кончиками пальцев прикоснулся к блестящему камню. На какое-то мгновение ему почудилось, что в черной глубине кристалла вспыхнула и тут же погасла красная искра.

— А теперь сядь вон там, рядом с Исоном, и смотри. Это будет тебе первым уроком. Уроком послушания!

Почтительно склонив голову, Гайяр отошел в сторону от возвышения. Там, на небольшом ковре, подложив парчовую подушку, важно восседал Исон, скрестив грязные ноги. Повелитель Хитрецов что-то негромко сказал карлику, вынырнувшему из-за полога, и тот поспешно заковылял к двери.

— Ну, что я тебе говорил? Мое слово здесь кое-что значит! Я сразу

понял, что ты ему понравишься! Из тебя выйдет толк, запомни мои слова! Только...— Исон на мгновение перестал шептать, опасливо покосившись на своего повелителя,— только будь осторожен! Иногда мне кажется, что в логове льва безопасней, чем здесь! Но я тебе ничего не говорил... Во всем слушайся хитреца Шафраста, и ты многого достигнешь!

Дверь распахнулась, и на пороге следом за карликом показались три старика. Это на них, недоумевая, смотрел Гайяр, дожидаясь, пока его позовут к Повелителю Хитрецов. Маленький слуга снова скрылся за драпировками, окружавшими возвышение, а старцы, низко склоняясь в поклоне, остановились у двери.

Нагнувшись к самому уху Иsonа, с интересом разглядывавшего ногти на руках, шадизарец еле слышно спросил:

— Кто это? Неужели они тоже... тоже промышляют?

— О, мальчик, это — самые полезные в нашем деле люди! Их у нас называют «шмелями», они обязаны днем ходить по всему городу и высматривать, где ночью стоит поживиться. Кроме того, они следят, кто совершает крупные сделки и получает большие суммы денег. Узнают, куда отнесены кошельи и где спрятаны. Еще они измеряют толщину стен нужного нам дома и намечают место, где удобнее всего сделать отверстие, через которое можно проникнуть в дом... Ну и, конечно, замки... Ш-ш-ш, слушай!

— Так что скажете, почтеннейшие? — Голос Повелителя Хитрецов зазвучал громко и величественно, как у правителя настоящей державы.— Ночи сейчас темные — для хорошего дельца лучше не придумаешь! Начинай ты, Хайрат, я вижу, у тебя есть новости!

Один из старцев вышел вперед, еще раз поклонился и торопливо заговорил:

— Повелитель Хитрецов, как всегда, слышит еще несказанное и видит невидимое! Да, повелитель, я спешил сюда с добной вестью! Она обрадует тебя и твоих молодцов, засидевшихся без работы! Ибо разве можно назвать работой мелкий дневной промысел, эти жалкие кошельки ремесленников и одежды, развешанные для просушки!

— Так что за новость ты так долго держишь за пазухой? Пока до нее доберешься, у тебя в горле пересохнет!

— Говорю, уже говорю, о великий! Вчера весь базар был полон слухами и разговорами о таинственном сундуке, который доставили в дом Великого Судьи, многомудрого Суммы. Всего одна повозка, а охраняла ее дюжина воинов и слепой старик...

— О, это стоит внимания! Слепец, слышащий звуки и шорохи,

ускользающие от обычного слуха! Значит, в сундуке было...

— Да, величайший из хитрецов! В сундуке привезли драгоценный убор из вендинских сапфиров, а алмазам, украшающим его, вообще нет числа. Этот убор, достойный королевы, предназначен новой жене судьи, юной упрямице Нарзиз.

— Ха-ха-ха, все ясно! Судья действительно рассудил мудро: если красавица не желает с любовью смотреть на его седины, пусть любуется блестящими камешками, тогда и ему хоть что-нибудь перепадет! Да, юные жены старых мужей — просто клад для нас! Ну, и где же сейчас этот убор? Он уже подарен?

— Нет, судья пока держит его в потайной нише своего дворца и разжигает любопытство красавицы загадками и намеками... Ведь он — мудрейший из мудрых!

— Так... Где находится потайная ниша, сколько слуг во дворце, какие входы и выходы — ты расскажешь позже, когда все разойдутся... У меня есть кое-какие задумки на этот счет. Ну, а вы, добродетельнейшие из старцев, чем порадуете своего владыку?

— О, великий, мы вместе с Хайратом следили за сундуком — это самое крупное приобретение в Шадизаре. Входы, выходы, слуги, запоры, подкуп, наши расходы истощили кошельки...

— Вот вам, держите! — Шафраст бросил кошель, и один из старцев ловко поймал его на лету.— Идите в таверну и ждите, пока я вас позову. А ты, моя обезьянка, зови учеников, посмотрим, как они поработали!

Карлик снова выскочил из-за драпировок и, косолапя, побежал к двери.

— Ну, Гайяр из Хифоры, смотри, от чего я тебя намерен избавить! Я попробую тебя в другом дельце, а не справишься — будешь, как они, промышлять вокруг ловкача Иsona или таскать по базару тяжелые корзины...

В широко распахнутую дверь один за другим входили оборванные мальчишки, испуганно поглядывая на своего повелителя. Карлик поставил перед возвышением большую широкую корзину и, ухмыляясь, сел рядом.

— Приветствую вас, дети мои! — Шафраст смотрел на робеющих мальчишек пронзительным колючим взглядом, но голос его источал мед.— Старики старятся, молодые подрастают! Ну, показывайте, какой сегодня улов, да только без обмана! Меня, Шафраста, Повелителя Хитрецов, обмануть невозможно, и ты, Налат, вчера в этом убедился! Так что у тебя сегодня? Ну, поспешите же наполнить корзину!

Тот, кого звали Налатом, подошел ближе и передал карлику простой

кожаный кошель, тugo свернутую шелковую шаль и серебряный кубок. Гrimасничая, карлик развязал тесемки и высыпал монеты на дно корзины.

— Неплохо, неплохо... Ты искупил вчерашнюю вину, поэтому сегодня получишь свою долю. Дай ему три монеты! — И Шафраст tkнул карлика в спину носком сапога.

Мальчишка схватил свою долю и, низко поклонившись, исчез за спинами товарищей. Карлик уже принимал добычу из рук следующего. Корзина быстро наполнялась.

— Мудрейший Исон, а какая доля полагается тем, кого здесь называют учениками? — прошептал Гайяр, не сводя глаз с корзины.

— По закону, который когда-то принял сам Повелитель Хитрецов,— одна пятая, но уже давно он платит гораздо меньше, и эти многообещающие юнцы, конечно, недовольны... ропщут... Но куда им деться?! Ничего другого они не умеют, да и кто захочет работать, вкусив прелестей нашей жизни?! Смотри, сейчас войдут настоящие молодцы!

Но вместо этого за дверью послышались истощные женские вопли:

— Справедливости! Я требую справедливости! Сейчас же пропустите меня к Повелителю Хитрецов! Эй, убери свой тесак, черная образина, что, уже забыл, как лежал вчера на моей груди?!

Шафраст, нахмурившись, привстал, но, покосившись на Гайяра, открывшего от удивления рот, расхохотался:

— Ха-ха-ха! Да это голос красотки Люфии! Ну-ка, оттащи корзину подальше и веди ее сюда, пока она не исцарапала моих верных стражей! Ха-ха-ха!!!

В это мгновение дверь распахнулась, а в комнату влетела женщина в порванном платье и с растрепанными рыжими волосами. Сзади ее пытались удержать еще две женщины, старая и молодая. Когда рыжеволосая, не переставая причитать, подняла голову, стало видно, что лицо у нее в кровоподтеках и синяках. Упав на колени перед возвышением, она обхватила руками сапоги Повелителя Хитрецов и заголосила с новой силой:

— О, повелитель, защити меня от смертоубийцы и живодера, от этого трусливого воришки, вшивого бродяги, которого я столько раз спасала от петли, что у него волос в бороде больше не наберется! Ох я несчастная!

— Успокойся, Люфия! Не забывай, здесь нахожусь я, твой повелитель, и я разберусь в твоем деле! Расскажи про свою обиду, и увидишь, что на рассказ у тебя уйдет больше времени, чем у меня на расправу!

— О-о-о, как я его ненавижу, этого изверга! — Красотка подняла голову и тряхнула рыжими кудрями.— Чтоб я еще когда-нибудь разделила с

ним ложе! Пусть прежде шакалы растерзают мое тело, которое он так разукрасил!

И она, вскочив, высоко задрала юбки. Ноги ее, в самом деле, украшали кровоподтеки и ссадины. Товарки, стоявшие за ее спиной, негромко запричитали:

— Ах, негодяй, так изуродовать прекрасную Люфию! Да его, подлеца, четвертовать мало!

Шафраст поднял руку, и женщины тотчас умолкли.

— Это твой дружок Афрал так постарался? — Его голос не предвещал ничего хорошего. — И за что же он тебя, о искуснейшая в своем ремесле?

Люфия опустила юбку и, всхлипывая, заговорила:

— Этот изверг, Афрал, обязан мне больше, чем родной матери! А он меня искалечил! О, мудрейший Шафраст, не подумай, что я дала ему какой-нибудь повод! Нет, нет! Избил он меня потому, что, продуввшись в кости, прислал ко мне мальчишку за пятью золотыми монетами, а я смогла дать только четыре. И то заработанные такими тяжкими трудами, что и ослице водовоза не сились! А он, в награду за мою любовь, решив, что я утаила от него часть денег, вывел меня сегодня вечером в рощу за городской стеной, раздел догола, взял пояс с железными пряжками и так отстегал, что я еле жива осталась! И подтверждение этому — синяки, которые ты видел, о повелитель! — И она снова бесстыдно задрала юбку.

Ее молодая подруга подошла сбоку и стала утешать, поглаживая по плечу:

— Ах, Люфия, успокойся! Ведь милый бьет — значит, любит, и когда эти паршивцы нас дубасят, стегают и топчут ногами, тогда-то они и обожают нас сильнее всего! Разве не правда?! Скажи-ка по совести: неужели Афрал после трепки не сказал тебе ни одного ласкового слова?

— Какое там одно! — со слезами воскликнула Люфия. — Он мне целый ворох ласковых слов наговорил! Думаю, не пожалел бы пальца со своей руки, чтобы я его простила и пошла вместе с ним! Мне даже показалось, что у мерзавца слезы из глаз брызнули после того, как он меня выпорол!

— Ну, а я даю тебе слово, прекраснейшая, что этот негодяй не выйдет отсюда живым, если не внесет штраф и не покается в своем преступлении! Как смел он дотронуться руками до лица и тела Люфии, с которой никто здесь не может спорить красотой и заработком? Где он, этот вонючий пес, немедленно привести его сюда! А вы встаньте вон там, у окна, пока я с ним разговариваю!

Гайяр почувствовал, как Исон толкнул его локтем, и услышал ехидный

шепот:

— Могу поклясться чем угодно, что, когда Повелитель Хитрецов поднимет левую руку, рыжая красотка сама же кинется защищать своего обидчика! Вот посмотришь!

— Левую руку? А при чем здесь левая рука?

— Позже сам все поймешь! Ага, вот и Афрал!

Карлик вывел на середину зала широкоплечего молодца, одетого с некоторым щегольством. Он выглядел, как подмастерье, отправившийся на базар тратить кровно заработанные денежки. Увидев его, Люфия снова запричитала в углу:

— Вот он, образина, палач невинных, пугало кротких!

— Ну, ты, обиженная, перестань! — Афрал метнул в ее сторону быстрый взгляд.— Ведь я с тобой так нежно разговаривал! И сама же знаешь — если гнев во мне вскипит, второй раз будет хуже первого!

— Эй, бездельник, полегче! Ты что себе позволяешь в моем присутствии?! — Шафраст резко встал, и Афрал невольно попятился.— Слушай, что я тебе скажу! За то, что попортил красоту несравненной Люфии, чей заработка гораздо больше тех жалких крох, "что приносишь ты, тебе придется сейчас же встать перед ней на колени и попросить прощения! Кроме того, заплатишь ей десять золотых, и еще двадцать — мне. За то, что я трачу на тебя свое время... Иначе...— Он помолчал, злорадно улыбаясь, и стал медленно поднимать левую руку. Афрал замер, не отводя округлившихся от ужаса глаз с перстня на указательном пальце Шафраста. Капельки пота заблестели на посеревшем лице шадизарца. Он рухнул на колени и пополз в сторону Люфии. Она, оттолкнув подружек, тигрицей кинулась к нему:

— Прощаю, прощаю! Уж больно ты горяч в гневе! О, Повелитель Хитрецов, я его простила, не карай его смертью! А деньги он принесет, клянусь всемогущим Белом! Опусти руку, господин, иначе мое сердце разорвется от страха!

— Так-то лучше! Ну, убирайтесь, и пусть войдут «барсы»! — Шафраст опустился в кресло.

Афрал поднялся с колен и, покосившись на руку повелителя, снова опустившуюся на подлокотник, быстро попятился к двери. Следом за ним выскользнули женщины.

— Я вижу, наш новый друг хочет о чем-то спросить? — Повелитель Хитрецов повернулся к Гайяру, похлопывая левой рукой по затылку золоченого льва.— И я даже догадываюсь, о чем! Ну, говори же, я разрешаю!

— О великодушный, скажи, чего так испугался этот здоровяк, когда ты протянул к нему руку? Ведь в ней не было никакого оружия, а он уже приготовился к смерти!

— Ха-ха-ха, я вижу, ты наблюдателен! Эй, Исон, ведь тупица Эрис, кажется, опять попался на старом? Где он сейчас?

— В подземелье, повелитель! Да, этот упрямец снова решил промышлять в одиночку, как тот бешеный киммериец, но быстро попался! Сидит теперь в каменном мешке и воет, как шакал.

— Так... Привести его сюда! «Барсы» подождут немного. Я хочу, чтобы юный Гайяр раз и навсегда понял, что значит в Шадизаре промышлять самому. Еще этот проклятый киммериец... Его надо обязательно взять, взять живым! Ну, что встал, приведи сюда Эриса! А ты, уродец, иди за вином — эти красотки распалили во мне жажду!

Глава четвертая

В тихий предутренний час, когда по улицам, закончив дела, пробираются воры и любовники, в дверь постоянного двора на северной окраине вошел красивый мальчик. В зале таверны никого уже не было. Последний светильник догорал, чадя и мигая. Хозяин, позевывая, сидел у очага и лениво жевал лепешку. На вошедшего он даже не взглянул. Постояв немного у дверей, мальчик подошел ближе:

— Почтеннейший Фарус, ты меня не узнаешь?

— Узнаю, узнаю,— пробормотал хозяин, не поднимая головы,— садись рядом, выпей со мной... Ух, как гудят ноги и голова раскалывается! Когда уходят последние гости, мне хочется послать все в задницу и тихо умереть... А-а-ах, сейчас пойду спать... Когда я был молод, тоже колобродил до утра, а сна — ни в одном глазу. Ну, пошли, я покажу тебе комнату!

— Нет, ты все-таки не узнал меня, Фарус! Конан-киммериец здесь? Отведи меня к нему, и поскорее!

Хозяин сразу широко распахнул глаза и наконец повнимательней взглянул на мальчика:

— Ага, теперь вижу! Конечно, конечно, я тебя сразу узнал! Пойдем, киммериец сегодня у меня!

Два коротких удара, два длинных и опять два коротких. За темной дверью послышались шаги, раздался тихий шорох отодвигаемого засова, и Гайяр неслышно проскользнул в комнату. Киммериец высунулся за дверь, шепотом велел Фару су принести еды и вина. Громко зевая и проклиная свое ремесло, хозяин поплелся на кухню.

— Садись, сейчас Фарус притащит вино, и поговорим. Ну, как тебе показалось в логове хитреца Шафраста?

— Знаешь, киммериец, на месте всех этих плутов и попрошаек я давно бы сбежал из Щадизара, ища удачи подальше от Повелителя Хитрецов! Они все его боятся и ненавидят, даже Исон, который каждый вечер сидит с ним рядом...

— Ха-ха-ха, Гайяр, хоть ты неплохо срезаешь кошельки и бросаешь кости, но сразу видно, что не живал среди плутов! Да они все готовы лизать сапоги любому, кто сильнее и удачливее! Но и продадут при первой же возможности! Поэтому-то я всегда работаю один... Ну, разве что с тобой я готов провернуть это дельце, а после — ты в свою сторону, а я — в

свою. Кр-ром, а где же вино?! Этот мошенник Фарус, похоже, заснул в обнимку с кувшином! Ага, наконец-то идет! Стоит его только вспомнить — как он тут же появляется, как затычка из пивной бочки, если хорошенъко грохнуть по дну!

— Сразу видно, киммериец, что ты с вечера недобрал! — Фарус, ухмыляясь, поставил на стол холодное мясо и кувшин с вином.— Иначе бы ты не тратил столько слов, поминая меня, недостойного! Я сейчас принесу еще вина и отправлюсь спать — а ты хоть всю таверну разнеси, пусть она сгорит ярким пламенем! В конце концов, кликнешь девчонок!

— Ладно, ладно, проваливай! За все заплачено, так что спи спокойно, пока никого нет!

Задвинув засов, Конан сел напротив Гайяра и налил себе вина:

— Ну, а теперь рассказывай, как тебя принял Повелитель Хитрецов. Тьфу, сказал бы я, чей он повелитель, да боюсь, твои щеки и уши покраснеют от стыда!

— Можешь не утруждаться, киммериец, считай, что твои слова услышаны и я с ними согласен? Хоть я и прихожусь ему сыном, но он мне не отец! Права была Рафала, это чудовище с медовыми речами и камнем вместо сердца! Это скользкая змея, это...

— Ну, хватит, хватит, ему от этого ни жарко ни холодно! Так как он тебя принял?

И Гайяр начал рассказывать с самого начала. Киммериец то хмурился, то хохотал, громко стуча кружкой по столу:

— Знаю, отлично знаю этого Афрала! Ха-ха-ха, отделал-таки он свою красотку! Теперь она еще крепче повиснет ему на шею, а уж жаловаться больше не побежит! Ха-ха-ха! Ну, а потом, ты говоришь, вошли «барсы»? Ты хоть знаешь, кто такие «барсы»?

— Нет, но...

— Должен знать, если не хочешь попасть впросак! Это опытные воры, украшение ремесла, мастера, которые промышляют по ночам, а днем отдыхают и веселятся. Они-то как раз и обделывают крупные дела вроде того, что наклевывается... Да, сапфиры, алмазы — это совсем неплохо!

— Нет, Конан, потом привели Эриса! Я сначала глазам своим не поверил, думал, это тебя схватили: такой же сильный, черноволосый... Только когда он поднял голову, я понял, что ошибся.

— Как, им удалось поймать Эриса?! — Конан, опрокинув лавку, вскочил из-за стола.— Единственный в этой своре, кто восстал против Шафраста! Один раз его припугнули, и какое-то время он был как шелковый. Потом ему все это надоело, и Эрис решил напоследок пощипать

купцов, чтобы перебраться в Шадизар. Ну, болван, если дал себя поймать!

— Был болваном... Его больше нет. Какая, однако, страшная сила заключена в этом перстне! У меня до сих пор мороз пробегает по коже!

— Я вижу, Шафраст подбил одним камнем сразу двух ворон — от Эриса избавился, да и тебя как следует припугнул! Это он любит!

— Эрис выл и скрипел, катаясь по полу, а Шафраст, смеясь, медленно поднимал левую руку. Черные стражники скрылись за дверью, карлик спрятался за складками тканей, даже Исон прижался к стене, зажмурив глаза, а Эрис, как загнанный зверь, метался из угла в угол, не сводя безумных глаз с его кисти. Мне кажется, в эти мгновения разум покинул беднягу, и, если бы не крепкая веревка, стягивавшая ему руки, он все-таки успел бы вцепиться Шафраstu в горло! А тот все играл с ним, как кошка с мышью. И только тогда, когда Эрис подбежал совсем близко, оскалив зубы, как раненый тигр, Шафраст вытянул указательный палец и сделал легкое движение рукой. В тот же миг голова бедняги с глухим стуком упала на ковер... Тело сделало еще шаг, потом рухнуло у самых ног Повелителя Хитрецов. Стало так тихо, что я слышал, как стучали зубы съежившегося за моей спиной Иsonа... Шафраст засмеялся и хлопнул в ладоши. Черные стражи вбежали в комнату, унесли тело и голову. Но знаешь, что еще удивило меня? Ни одной капли крови не пролилось на ковер, шея почернела и обуглилась, как будто поработал огненный меч...

— Да, бедняга Эрис! Теперь ты знаешь, почему Шафраста называют Повелителем Хитрецов, почему ненавидят и боятся? Ну, выпей, выпей, а то у тебя зубы стучат, как у дурачка Иsonа, и рассказывай дальше! Меня интересуют «шмели», он позвал их снова? Что они ему сказали про дом судьи?

— А дальше нечего рассказывать. Когда унесли то, что осталось от ослушника, Шафраст сошел с возвышения и долго стоял у окна. Иson, который к этому времени уже пришел в себя, тихо прошептал, что повелитель обдумывает крупное дело. Так, наверное, оно и было... Он тер лоб, глаза и что-то негромко бормотал, расхаживая вдоль стены. Потом его взгляд упал на меня. «Ты все еще здесь?! — нахмурившись, воскликнул он.

— Для начала ты видел и слышал достаточно! Ступай, завтрашний день принадлежит тебе, а добыча — мне! Вечером снова придешь сюда, тогда и узнаешь, что делать дальше! Эй, чучело, проводи мальчишку, и пусть войдут почтенные старцы!» В общем, меня без лишних церемоний выпроводили за ворота, и я, убедившись, что за мной никто не следит, отправился прямо сюда.

— Жаль, конечно, хотя и дураку ясно, что лишние уши в таком важном

деле ни к чему. Значит, Великий Судья? Потайная ниша? Ха, пусть скиснет все молоко в Шадизаре, если этот убор достанется негодяю Шафрасту! Ладно, приятель, ложись спать, а мне тоже нужно кое-что обдумать! — И Конан, придвинув к себе кувшин, тут же забыл про Гаяра.

Вздохнув, мальчик сделал два шага до низкой лежанки и, засыпая на ходу, повалился на подушки.

Солнце, проскользнув лучом в узкое окошко, добралось наконец и до лица Гаяра. Он беспокойно повертел головой, словно пытаясь согнать надоедливую муху, сморщился и чихнул. Будто испугавшись этого звука, сон мгновенно отлетел прочь. А парень, высевшийся и полный сил, открыл глаза. Он был один, киммерийца уже не было.

В приоткрытую дверь заглянула улыбающаяся девушка:

— О, ты уже проснулся? Я в который раз заглядываю, а ты все спишь... Сейчас все принесу! — И, негромко засмеявшись, служанка исчезла.

— Ах ты вертихвостка, хватит вертеться у этой двери! — раздался сердитый окрик хозяина, и Гай-яр порадовался, что уже проснулся. Хуже нет, когда разбудят таким вот хриплым, недовольным голосом!

А Фару с все не мог успокоиться:

— Сначала за киммерийцем уивалась, теперь на его приятеля заглядываешься, а вон за тем столом тебя дозваться не могут, коза! Ну-ка, быстро иди за вином, и чтоб я тебя здесь больше не видел!

Фарус зашел в комнату и поставил на стол небольшой кувшинчик:

— Вот, попробуй! Друзья киммерийца — мои друзья! Сейчас будет готов пирог с голубями, такого ты больше нигде не попробуешь, м-м-м! — И он, закатив глаза, поцеловал кончики пальцев.— Да, чуть не забыл, Конана сегодня не жди, раньше чем завтра утром не появится! Ну, я пошел за пирогом!

Усмехаясь, Гайяр налил душистого вина. Ого, хозяин расстарался и опять принес пуантенского! Да, таких постояльцев, как Конан, любят во всех тавернах!

Пирог с начинкой из голубей и впрямь оказался великолепным. Румяная корочка похрустывала, когда Гайяр отрезал огромные куски. Он и не заметил, как съел все, на блюде остались только крошки.

— Хозяин, когда за мной придет смерть, единственное, о чем я пожалею, покидая этот мир, так это о твоих пирогах! Вот, возьми, и мою благодарность в придачу! — Он положил на стол золотую монету.

— Что ты, что ты, за все заплачено! Хотя, пожалуй, я все-таки возьму ее, в придачу к твоей благодарности!

Гайяр, смеясь, хлопнул Фаруса по плечу:

— Ну ладно, я пошел! Наведаюсь к тебе завтра утром, а ты приготовь что-нибудь столь же вкусное!

Солнце уже приближалось к полудню. Немного постояв в тени глинобитного забора, Гайяр нахлобучил шапку и решительно направился в сторону базара. Просто так кошели с неба не валятся, а ему еще не раз придется доказывать хитрецу Шафрасту, каков он в деле.

Мальчик шел по узким улочкам, негромко насвистывая. Всего лишь третий день, как он в Шадизаре, а кажется, что прошла целая вечность. Город стал знакомым и понятным. Еще немного, и он будет знать тут каждый закоулок не хуже тех, кто здесь родился и вырос.

Его обгоняли, толкая, женщины с большими корзинами, скрипучие двухколесные тележки, груженные всякой всячиной: глиняными горшками, яблоками, луком, абрикосами. Хозяева погоняли ослов, спеша доставить свой товар, пока на базаре еще много покупателей. Взгляд Гайяра лениво скользил по их лицам, спускался ниже, мимоходом ощупывая пояса. Нет, эта добыча его не интересовала. Еще никогда в жизни он не унился до того, чтобы обокрасть бедняка. Просто это уже стало привычкой: оценить с одного взгляда, к какому сословию принадлежит человек и есть ли у него деньги. О, тут чутье никогда не обманывало Гайяра! Он словно насквозь видел грязные пояса базарных попрошаек с зашитыми в них золотыми монетами, сразу чуял, где у купца спрятан кошелек, мгновенно отличал настоящие драгоценности от поддельных, не зря Рафала столько лет готовила сына к этому часу! И теперь он, Гайяр, никогда не чувствовал влечения к воровству, с усмешкой смотрел вокруг себя, словно маг, видящий спрятанные под землей сокровища и не спешащий ими воспользоваться.

Это еще только боковые улочки, а ноги, ускоряя шаги, влекли мальчика к базару, где взгляду предстанут целые россыпи кошельков, припрятанных золотых монет, драгоценных браслетов и ожерелий. Базар, благословенный шадизарский базар! Кормящий голодных, обогащающий богатых, сверкающий золотом и серебром, переливающийся разноцветными шелками! У всех находится повод, чтобы хоть раз в день заглянуть сюда, пускай только ради того, чтобы потолкаться в толпе, прицениться к кинжалу в замысловатых ножнах, имея лишь дыру в кармане, выпить кружку кислого вина у бродячего торговца или съесть горячий кешаб с уличной жаровни.

Гайяр брел от лавки к лавке, ни на что не заглядываясь, позволяя толпе нести себя, как медленный поток несет и вертит легкую щепку.

Случай сам найдет его, а пока можно поглазеть на красавиц, выбирающих пестрые туранские шали, или постоять у широкого загона с лошадьми. Здесь, у невысокой ограды, всегда людно, как бывает и у помоста, где раз в седьмицу продают рабов. Но сегодня там пусто и тихо, зато здесь, у ограды, зеваки вперемешку с покупателями наперебой обсуждают достоинства тонконогих скакунов.

Мальчишки-конюхи по одной выводили всхрапывающих лошадей и останавливались перед помостом, сооруженным для именитых покупателей. Полотняный навес защищал их от солнца, низкие столики были установлены кувшинами с вином, чашами с холодным шербетом, вазами с фруктами и сладостями. Гости не спеша наполняли кубки и степенно, не выказывая интереса, переговаривались между собой. Гайяр вздохнул — туда, на помост, ему не проникнуть, придется довольствоваться добычей поскромней. Он незаметно огляделся по сторонам: поношенные рубахи, простые кожаные пояса, неяркие халаты. Вдруг кто-то бесцеремонно толкнул его в спину:

— Эй, малец, подвинься, ты мне все поле загораживаешь!

Гайяр весь внутренне подобрался: вот она, сегодняшняя удача, сама идет в руки! Слегка повернув голову, он насмешливо взглянул через плечо:

— Полегче, полегче, почтеннейший! Разве ты не видишь, что я выбираю себе коня?!

— Ты-то? Коня?! Ха-ха-ха! А ну, подвинься, голодранец, это я собираюсь выбрать себе коня, а из-за твоей спины ничего не вижу!

— Э-э-э, дядюшка, не тебе с твоими заплатами называть меня голодранцем, меня, любимого сына купца Расата! И не тебе с твоим тощим кошельком равняться со мной! Отойди в сторону и не серди меня!

Гайяр прекрасно разглядел и узорный халат, и шелковый пояс, и дорогую шапку купца, с которым банился. Он видел, как покраснели от гнева его глаза, заплывшие жиром, как задрожали пальцы, унизанные кольцами:

— Ах ты щенок! Как видно, ты научился лгать еще в утробе матери! Нет, вы только послушайте — сын купца Расата! Да у него пять дочерей и ни одного сына! — От злости купец сопел и брызгал слюной.

Зеваки, забыв про лошадей, вовсю потешались над ним, а Гайяр все не унимался:

— Как раз два дня назад, почтеннейший, у него появился сын! И это я! А вон тот гнедой аргосский жеребец с белыми бабками мне подойдет — он легок на ходу, красив и вынослив! Его я, пожалуй, и куплю!

— Тыфу, молокосос! Да это лучший жеребец из конюшни Кирра и его

куплю я!

— Где тебе! Это конь не для таких бедняков, как ты!

— Ах ты... Ах ты, дрянь, шакал и сын шакала! Да у меня денег хватит на десять таких жеребцов! А ну, подвинься, тебе говорю, ищащий помет! — он сердито пыхтя, оттолкнул парня в сторону и ухватился за брус невысокой ограды.

Конюх, увидев, как он взмахнул рукой, подвел поближе жеребца-трехлетку. Недавно объезженный, конь был поистине великолепен: косил горячим лиловым глазом, грыз удила, показывая ослепительно белые зубы, скреб землю широким копытом.

Купец, торжествуя, воскликнул:

— Покупаю! Этот жеребец мой! — и, метнув на Гайяра злобный взгляд, пошел к воротцам.

Гайяр лукаво посмотрел ему вслед и, не дожидаясь, пока купец ощупает свой пояс, скрылся в толпе. Пусть теперь покупает хоть целый табун!

Базар больше не интересовал Гайяра. Сегодня он сорвал свой золотой плод, который приятно оттягивал рубаху под левой рукой. Вокруг сновали, шумели, смеялись, горланили торговцы и покупатели, ревели заупрямившиеся ослы, звенели бубны и пищали дудки, а он быстро шел мимо толпы, ни на что не засматриваясь, лишь скользя по заманчивым товарам рассеянным взглядом. Теперь надо было где-то отсидеться до вечера, и мальчик решил вздремнуть в одном из тенистых садов южной окраины. Прибавив шагу, он вышел на широкую улицу, потом свернул с нее направо и, пару раз оглянувшись, пошел еще быстрее. Улицы в этот час были пустынны — казалось, весь город толкался там, на базаре, лишь дети и немощные старики остались дома. Белый забор и крытая красной черепицей кровля привлекли внимание Гайяра.

Не задумываясь, он подпрыгнул и ухватился за толстую ветку платана, росшего там, за забором, и раскинувшего густой зеленый шатер над половиной улицы. Листва мешала осмотреться как следует, и мальчик ловко, как обезьяна, перебрался на другую ветку, поближе к дому. Тихо. Глухие стены и колючие кусты барбариса окружили крошечный дворик, мощенный разноцветными квадратными плитами. Из бронзового цветка, искусно установленного в небольшую мраморную колонну, тонкой струйкой лилась вода, наполняя каменную, позеленевшую от сырости раковину. Негромкое журчание воды — и больше ни звука, ни шороха. Гайяр хотел уже спрыгнуть на камни, но что-то заставило его прижаться к стволу, слившись с нагретой корой дерева.

За высокими кустами отчетливо послышались шаркающие шаги и негромкое бормотание. Наконец около фонтана из зарослей вышел дряхлый старик, бережно неся зажженный светильник. Гайяр во все глаза смотрел на него сверху, удивляясь. А старик присел на невысокую каменную скамью, поставил светильник рядом.

— Ух, хвала Светлым Богам, все убрались из дома! Давненько же я сюда не наведывался, видит Бел! Невестка, ненасытная змея, глаз с меня не спускает, все хочет дознаться, где я беру деньги... Ха-ха-ха, я даже сыну своей тайны не открыл и не открою! Так и умру... унесу все с собой! Пусть попляшут! Пусть весь дом разберут по камешку! Ха-ха-ха! — от смеха слезы текли по его сморщенным щекам, зеленая бархатная шапка тряслась на седой голове, а он хлопал себя ладонями по коленям:

— Я им еще устрою, еще покажу! Пока мне не перевалило за восемьдесят, я могу взять в дом молодую жену! И судья скрепит запись, особенно если получит от меня золотой ларец в благодарность! О, тогда они узнают, кто здесь хозяин! Да, но я теряю время! Где тут голубой треугольник? Что-то плохо я стал видеть!

Старик присел на корточки, разглядывая узор из мелких камешков, выложенный вокруг фонтана. Гайяру с высоты все было видно, как на ладони, и голубой треугольник в каменной кладке он заметил сразу, как только о нем услышал. Наконец и старик увидел то, что искал. Трясущейся рукой он надавил на камешек, и белая плита в самой середине дворика беззвучно провалилась вниз, открыв темное отверстие с крутыми каменными ступенями. Так вот для чего был нужен светильник! Мальчик затаил дыхание, застыв на своей ветке и не сводя глаз с чернеющей под ним дыры.

Старик, кряхтя, осторожно стал спускаться по лестнице, держась свободной рукой за край отверстия. Как только голова в зеленой шапке скрылась в подземелье, Гайяр бесшумно соскользнул с дерева и оказался рядом с ним. Там, внизу, темнота мешалась с неяркими отблесками пламени, в каменных стенах эхом отражались звуки, делая громким бормотание старика:

— О, как не хочется стареть, имея все это! Видят боги, здесь хватит еще на десяток жизней! Кх, я бы с радостью купил еще одну! О-о-о! Мои дед и отец — да будет им легко на Серых Равнинах — тоже, наверное, тосковали на закате жизни. Награбить столько золота, столько драгоценностей и в конце концов умереть, уйдя такими же голыми, как и явились на этот свет! — Он умолк, и послышался скрип открываемой крышки.

Гайяр словно сам видел огромные сундуки, доверху наполненные сокровищами, и старика, по самые локти погрузившего в них трясущиеся руки.

— Но я еще крепок, да, еще очень крепок. И мой ленивый непочтительный сын не получит ничего из моего богатства, как и его жена! Тьфу, прикидывалась такой овечкой... Нет, решено, я приведу в дом молодую жену, и пусть-ка они грызутся между собой! Ха-ха-ха! — Его смех гулко разнесся по подземелью.

Гайяр осторожно заглянул вниз и увидел, как старик пересыпает из сундука монеты в большую золотую чашу. Да, это была сокровищница, достойная какого-нибудь князя! Чтобы вывезти отсюда все богатства, понадобится целый караван. Сундуки, мешки, ларцы, золотые и серебряные сосуды, тюки дорогих тканей: все лежало вперемешку на светлом каменном полу. Тут не на десять, а на сто жизней хватит золота и драгоценных камней! Стариk поднялся с колен, а Гайяр метнулся к дереву, словно быстрая ящерица. Мальчик снова вскарабкался на свою ветку и замер, наблюдая.

— Да, я уже не очень молод, но юная жена сама позаботится о том, чтобы поскорее подарить мне сына! Ха-ха! — Стариk, шатаясь под тяжестью ноши, поднимался по ступеням, весь во власти своих мыслей. — Вот начнется потеха, я буду обещать сегодня одно, завтра другое, то старшему, то младшему, и они наперебой станут меня ублажать! И как это я раньше не догадался! Ох, какая крутая лестница! Ну и тяжелые эти золотые монеты! — Он ткнул пяткой в голубой треугольник, плита встала на место, теперь ничто не напоминало о тайне, скрытой под камнями.

Стариk с трудом взвалил на плечо большую расшитую бисером сумму и, еле переставляя ноги, скрылся за кустами. Снова в саду стало тихо, только журчала тонкая струйка воды да в ветвях старого дерева, словно птица, посвистывал мальчик.

Глава пятая

Увость, которую ему принес этой ночью Гайяр, не была для киммерийца неожиданной. Он умел в любой базарной сплетне отделить ложь от правды, выдумку от истины. И о молоденькой жене Великого Судьи он слышал не в первый раз. Он знал, что старик с нетерпением ждет возвращения своих людей, посланных куда-то далеко с важным поручением. Сложить одно с другим не составляло труда, и вот теперь было сказано последнее слово — драгоценный убор. По правде говоря, Конан ожидал чего-то подобного и заранее кружил вокруг дома судьи, высматривая расположение покоев и приглядываясь к служанкам, а особенно к служанкам. Обычно каждое утро две или три девушки выходили на базар за фруктами и зеленью. Они всегда направлялись к одним и тем же лавкам, где продавалось все самое лучшее и дорогое. Конан несколько раз попадался им на пути и успел обменяться с одной из них, пухленькой черноглазой Филотой, парой улыбок и многозначительных взглядов. Ей явно понравился могучий варвар с блестящей копной густых черных волос, с зовущим взглядом властных голубых глаз.

Киммериец вскочил и, потягиваясь, неслышно прошелся по комнате. Гайяр спал, по-детски разметав руки и приоткрыв рот. Покосившись на него, Конан усмехнулся и подошел к окну. Прохладно, светлело рассветное небо. Птицы, негромко попискивая, начали свою утреннюю возню в ветвях деревьев. Конан перелил в кубок остатки вина, одним глотком выпил его и тихо выскользнул за дверь. Он шел по утренним улицам и с усмешкой думал о том, что все-таки женщина — это самый лучший ключ, способный отпереть любой замок.

Потолкавшись по базару, среди обычной утренней суэты, киммериец подошел к лавкам, где служанки Великого Судьи каждый день покупали припасы. Немного подальше, на краю базара, располагались лавочки попроще. Там можно было купить все то же самое, и гораздо дешевле, но здесь, у богатых торговцев, в лавках с навесами из разноцветного полотна, покупали все знатные жители Шадизара. Их слуги приходили сюда по утрам, наполняли огромные корзины фруктами, выращенными в окрестных садах, отборными овощами, пряной зеленью с каплями воды на свежих листьях, сладостями, привезенными из разных краев, потом щедро расплачивались золотыми хозяйственными монетами, не забывая при этом и о

себе.

Зазывалы, стараясь перекричать один другого, орали на разные голоса, расхваливая свой товар:

— Инжир, инжир, самый нежный, самый спелый! Подходи, попробуй!

— Сливы, сливы, только что с ветки!

— Абрикосы, персики, айва для княжеского стола!

— Травы, душистые травы, коренья, приправы! Проворные мальчишки сгружали с тележек свежие овощи, раскладывая их в деревянные лотки и обрызгивая водой.

Конан стоял в стороне, поглядывая на проулок, откуда должны были появиться служанки старого Суммы. Он ждал довольно долго, рассматривая то пестротканые покрывала, то блюда с причудливой чеканкой, то позолоченные кубки тонкой работы. Но вот в толпе мелькнули яркие одежды девушек, и три служанки старого судьи, сопровождаемые двумя рабами с огромными корзинами, подошли к зеленым лавкам. Словно не замечая их, киммериец сделал шаг в сторону и остановился, загораживая дорогу. Его взгляд, казалось, не мог оторваться от сверкающих кубков и полированных блюд, а хозяин лавки готов был уцепиться за пояс варвара, не желая упускать покупателя:

— Да, киммериец, ты прав: на эти блюда лучше смотреть сначала вблизи, а потом издали! Как сияет на солнце позолота, как блестит это гладкое серебро! Нет, нет, не так далеко, теперь снова подойди поближе! Куда же ты, киммериец!

Но Конан, не обращая на него внимания, сделал еще один шаг и оказался прямо перед девушками. Тележка с овощами, он сам и хозяин посудной лавки — все вместе они загородили проход. Одна из служанок, сердито сдвинув брови, приостановилась и сказала:

— Кому-то из вас придется посторониться: либо тебе, варвар, либо почтенному купцу, либо этому ослу, впряженному в тележку! Ну, так кто же пропустит слуг Великого Судьи?!

Конан, улыбнувшись, повернулся к ней:

— Где ты, красавица, научилась так хмурить брови? У своего хозяина? Смотри, скоро превратишься в старуху... Ладно, ладно, не сверкай глазами, сейчас я отйду в сторону... Или ты предпочитаешь осла?!

Две служанки за ее спиной тихонько фыркнули от смеха. Конан отодвинулся и словно ненароком коснулся обнаженной руки Филоты, не сводившей с него восхищенных глаз. Ее щеки вспыхнули ярким румянцем, и девушка невольно замедлила шаги. Подруги, тем временем скрылись в прохладной глубине лавки, следом за ними вошли носильщики со своими

корзинами.

Филота решила было последовать за ними, но рука киммерийца крепко сжала ее запястье:

— Не спиши... Я искал тебя, девушка! Слушай меня внимательно! Сегодня вечером я приду к тебе. Ведь ты будешь ждать, правда? — И он притянул трепещущую Филоту к своей груди.

— Отпусти, киммериец, они сейчас выйдут из лавки! Я тебя совсем не знаю... Нет, тебе не стоит приходить! — растерянно забормотала она, не пытаясь, однако, вырваться из могучих объятий киммерийца.

— Вот и отлично, мы оба узнаем друг друга получше! Когда зайдет солнце, я буду у задней калитки. Ведь ты позаботишься о собаках, красавица? — Он нежно приподнял за подбородок раскрасневшееся лицо девушки и заглянул в сияющие глаза.

— Да... Нет... Ничего не знаю. Не уходи, не уходи, киммериец, я буду ждать тебя, только не у задней калитки, а у другой, той, которая выходит на улицу Границыщиков!

— А где там калитка? Я что-то ее не видел! Служанка тихонько рассмеялась, прижавшись бедром к ноге Конана:

— Поищешь и найдешь! Раздвинь побеги плюща, свешивающегося со стены, как раз там и есть калитка!

— Ты не только красива, но и умна! Так я приду вечером, а к утру ты будешь знать меня хорошо, очень хорошо! — Он крепко сжал ее плечи, и Филота, дрожа, зажмурилась.

Когда она открыла глаза, киммерийца уже не было рядом. Сердце гулко стучало в груди, и девушка еще несколько мгновенийостояла неподвижно, гадая, случилось ли это с ней наяву или только пригрезилось. Но тело все еще трепетало, помня властное прикосновение могучих рук варвара. Девушка улыбнулась, прижала ладони к пылающим щекам и поспешила вошла в лавку.

Прозрачные сумерки опустились на город, когда Конан, сливаясь с тенями, незаметно пробрался к высокой стене на улице Границыщиков. Днем сюда приходили солидные заказчики, чтобы неспешно выбрать драгоценные камни, оправу или купить украшения, зато вечером и ночью здесь всегда было пустынно и тихо. Глухие стены и крепкие ворота охраняли покой мастеров, а свирепые псы, выпущенные на свободу, готовы были разорвать всякого, кто осмелился бы перелезть через ограду.

Всякого, но Конан не был этим всяким. И ему ничего не стоило проникнуть в сад, окружавший дворец судьи, перемахнув высокую каменную стену. Свирепые псы тоже не пугали его: есть кинжал, есть

отрава... Но всегда гораздо надежней иметь в доме, где ждет добыча, сообщника, пусть даже и не догадывающегося об этом.

Киммериец неслышными шагами двигался по пустой улице, направляясь к небольшому тупичку, где стена сплошь заросла жесткими побегами плюща. Девчонка сказала, что здесь есть калитка. Конан уцепился за глянцевитые листья и с удивлением почувствовал, как вся зеленая завеса легко поддалась его усилию, подобно тяжелому пологу над ложем.

Так и есть! В смутно белеющей стене была видна низкая калитка. Придерживая одной рукой шуршащий плющ, Конан нащупал массивную ручку и повернул ее. Легкий скрежет металла показался грохотом в тишине сумерек. Но дверца, скрипнув, неожиданно легко приоткрылась. На всякий случай сжав рукоять кинжала, киммериец еле слышно спросил:

— Ты здесь, Филота?

Ответом ему был легкий вздох и быстрый шепот:

— Да, да, я жду тебя, давно жду! Прикрой калитку иди за мной. Нас никто не услышит: в доме все спят, а собаки крепко заперты!

В сгущавшейся темноте неясным белым пятном выделялось испуганное лицо девушки. Киммериец привлек ее к себе и жадно поцеловал.

— Ну, ты, кажется, хотела узнать меня поближе? Тогда веди, я твой гость! — И он легонько подтолкнул служанку в сторону дома.

— Нет, нет, не туда! О, как страшно ночью без факела! Я вся дрожу!

— Не бойся, ведь с тобой я! Так куда же нам идти — или мы до утра простоим у калитки?

— Тише, киммериец, хоть я и позабочилась, чтобы все спали, но мне как-то тревожно! — Голос девушки задрожал.— Дай мне руку и иди за мной, вот по этой дорожке, мимо лавров... Не споткнись, дальше будут ступеньки!

Конан усмехнулся: он наизусть знал здесь каждую дорожку, не зря было потрачено столько времени, чтобы из чужих садов, с густых корявых деревьев высмотреть все закоулки этого двора, сосчитать все ступени! Они пошли по боковой тропинке —значит, Филота жила в большой пристройке, соединявшейся с покоями судьи широкой крытой галереей. Ну что ж, это было на руку варвару.

Филота быстро шла впереди, изредка задевая рукавами ветки кустов. Киммериец, как тень, следовал за ней. Да, влюбленная женщина перехитрит и бога, и демона, не то что старого судью! Интересно, куда она загнала огромных сторожевых псов, бесновавшихся днем на заднем дворе?

— Вот мы и пришли! Осторожно, не задень эти вазы, хозяину их привезли из Китая, и он велел пересадить сюда свои любимые мелкие розы. Вдруг ты неловко двинешь плечом... — В темноте было видно, как блеснули в улыбке ее зубы.

Конан подхватил девушку на руки и быстро взбежал по ступенькам:

— Ну, говори, куда дальше! Даже с такой ношей я ничего не задену, можешь мне поверить!

Он прошел почти всю галерею, когда наконец Филота прошептала ему на ухо:

— Сюда... Толкни эту дверь, моя комната здесь! Дверь неслышно отворилась, и Конан опустил девушку на пол. Она быстро задвинула засов, обвила руками его шею:

— Ах, киммериец, поцелуй меня еще: потом я налью тебе вина, потом... — Она не успела договорить, как он вновь подхватил ее на руки и понес к ложу.

В самом углу небольшой комнаты на низком столике горел медный светильник, его крошечный огонек играл дрожащими отблесками на серебряном кувшине и кубках. Рядом стояли блюда со всевозможными лакомствами и сладостями.

Конан снял широкий кожаный пояс и положил его рядом с ложем, на пеструю циновку, сплетенную из мягких волокон суй. Полулежа на подушках, Филота смотрела на своего киммерийца, грудь ее высоко вздымалась под легким шелком платья:

— Скажи мне, как тебя зовут? Я не хочу любить незнакомца! Ну, иди же ко мне, я так ждала этой ночи!

— Кр-ром! Как ты хороша! — прошептал Конан, легко поглаживая обнаженные плечи девушки. Она торопливо развязала пояс, и легкое платье соскользнуло на пол.

На какое-то время киммериец забыл, зачем он здесь и что его на самом деле привело в дом судьи. Он не знал и не помнил ничего, кроме жаркого тела, неистово отдающегося его ласкам. Сдерживая стоны и кусая губы, Филота то впивалась ногтями в плечи варвара, то, на мгновение обессилев, замирала, в блаженстве прикрыв глаза. Конану вдруг захотелось забыть о драгоценном убore и остаться здесь до утра, но короткая, как вспышка молнии, мысль о Шафрасте мгновенно охладила голову киммерийца. Утомленная девушка лежала рядом, глядя на него счастливыми глазами:

— Такого, как ты, у меня еще не было... Тебя зовут Кром, да? — лепетала она, улыбаясь. — Я хочу вина, пододвигь поближе столик. Вот так.

А теперь расскажи о себе...

— Ну, самое главное обо мне ты уже знаешь,— усмехнувшись, ответил Конан.— Лучше ты расскажи что-нибудь, ну, хотя бы, что ты сделала с собаками? И почему в доме все спят? Неужели и сторожа?

— Ты что, мне не веришь?! — Она приподнялась на ложе.— Конечно, спят! И сам судья, и его новая жена, перед которой он ходит на цыпочках! Ха-ха-ха! Я им всем сегодня подмешала в кушанье и вино чудесный порошок. Даже если их кольнуть кинжалом, они все равно до утра не проснутся! А собаки сидят в погребе, я их утром выпущу, и никто ничего не узнает...

— Филота, я или выкраду тебя у судьи, или буду приходить сюда каждую ночь! Во всем Шадизаре нет такой, как ты! Надо же: весь дом спит, и судья, и стражи! Слушай, а правду говорят на базаре, что молодая жена не подпускает к себе Великого Сумму?! — Конан взял со столика спелый персик и протянул его девушке.

Надкусив сочный плод, она поудобней устроилась на его плече и с удовольствием начала перемывать косточки своим хозяевам:

— Ох уж эта Нарзиз! Хозяин только и ходит за ней по пятам: «Красавица моя! Душа моя! Чего ты хочешь — только скажи!» А она фырчит на него, как кошка, да отворачивается. Зато вчера...— Филота приподнялась на локте.— Дай мне еще персик!

— Сначала скажи, что вчера? Вот, вот он, персик, но не дам, пока не скажешь!

Девушка вскочила на колени, пытаясь дотянуться до его поднятой руки. Персик полетел на пол, а их губы вновь слились в поцелуе.

— Ах, Кром, ты ведь придешь ко мне завтра? И послезавтра?

— Приду, приду... А все-таки что было вчера? Ты, наверное, уже все забыла! — подзадорил ее Конан, взяв с большого блюда другой персик.

— О, вчера! Эта гордячка недолго будет ломаться! Судья ей такое купил, такое... Я, правда, сама не видела, но слуги говорят, это старинный драгоценный убор. Он лежит в та'ком розовом ларце...

— А ты откуда знаешь, что в ларце? Вот тебе персик, и рассказывай дальше! Твой голос — как песня скворца!

Филота польщенно улыбнулась:

— И судья говорит то же самое: «Ты щебечешь, как птичка!» Ух, как мне не нравится эта Нарзиз!

— Признайся, пока он ее не привел, ты помогала судье коротать ночи? — спросил Конан.

— Ну, ты хочешь знать слишком много... Лучше послушай про ларец.

Я сама видела, как он ставил его в потайной шкаф. Представляешь, киммериец, я бы в жизни не подумала, что это тайник! В той комнате, где он по утрам курит кальян и обдумывает сложные тяжбы, простенок украшен выпуклыми листьями из зеленого камня. А у самого крайнего отбит маленький кусочек, я однажды даже оцарапала руку, когда вытирала пыль. И вот этот лист поднимается вверх, а там...— Она говорила все тише и тише, изредка взмахивая ресницами, пока наконец сон не сомкнул ее губы и глаза. Конан осторожно отодвинулся и тихо встал на циновку. Как он и думал, тайник находится в комнате, где судья проводит большую часть своего времени. И как раз отсюда, с галереи, совсем нетрудно туда проникнуть... Он поспешно оделся и задул светильник.

Прохладная темнота ночи обступила его со всех сторон. Густые россыпи звезд горели обманчивым светом, от которого здесь, на земле, мрак казался только гуще. Но, как дикому зверю во тьме не нужны ни факелы, ни луна, так и варвару достаточно было острых глаз и врожденного, никогда не подводившего его чутья. Он немного постоял, прислушиваясь: сад словно замер, даже неугомонные цикады как будто заснули вместе со всеми обитателями дома. Конану опять захотелось махнуть рукой на этот убор, перескочить через ограду и, ни о чем не думая, отправиться в таверну к Фарусу. Но Шафраст!

Если сегодня Конан отступит, завтра убор достанется этому негодяю, величающему себя Повелителем Хитрецов! А как он будет похваляться своей удачей! Нет, просто эта девчонка утомила его своими ласками! Удивительно, зачем старому судье понадобилась молодая жена, когда у него под боком такая штучка!

Конан усмехнулся и решительно пошел вперед. Всего три двери отделяли его от внутренних покоев, и — о, чудо! — две из них не были заперты. Зато с последней дверью киммерийцу пришлось изрядно повозиться. «Такие двери хороши для темниц!» — ворчал варвар, орудуя зазубренным крючком. Наконец ему удалось зацепить массивный бруск запора, киммериец осторожно толкал его тончайшим стальным лезвием, пока наконец дверь бесшумно не распахнулась. Несколько легких шагов, и он оказался около простенка с выпуклыми каменными листьями. Филота сказала — крайний... Тот, что справа,— гладкий, без малейшей трещины, а у того, что слева, действительно, есть маленький острый скол. Ну и мудрец этот судья! Конан чуть было не рассмеялся в полный голос. Такие тайники устроены чуть ли не в каждом богатом доме, только везде разные украшения: где-то нишу закрывает оскаленная морда бронзового льва, где-то круглый щит или еще какая-нибудь немудреная штуковина. Чуткие

пальцы ощупывали холодный камень, отыскивая скрытую пружину. Рука везде натыкалась на гладкую поверхность, пока не нашупала крошечный шероховатый выступ. Вот и весь секрет! Теперь осталось посильнее нажать, и сокровище окажется в его руках.

Каменное украшение беззвучно поднялось вверх, и в открывшемся неглубоком отверстии Конан сразу же нашупал ларец. Больше в тайнике ничего не было. Пальцы еще раз нажали на выступ, ниша закрылась. Прижав к груди добычу, Конан выскользнул за дверь и несколькими ловкими движениями снова запер замок: закрывать всегда легче, чем открывать.

Тонкий серп молодой луны, словно запутавшись в густых ветвях, слабо высветил стойки и перила террасы, огромные вазы и свисающие из них цветы. Не вытерпев, Конан достал из-за пазухи ларец и на мгновение приоткрыл крышку. Да, только сапфиры и алмазы могут так сверкать, вобрав в себя призрачный лунный свет и вернув его ослепительными лучами. Он бережно закрыл крышку, снова убрал ларец за пазуху. Медленно спустившись по ступеням, киммериец вдруг весь подобрался и замер: в кустах справа ему почудился подозрительный шорох. Рука мгновенно выхватила из ножен меч, но в тот же миг киммериец получил сокрушительный удар по голове. Все поплыло у него перед глазами, вспыхнули и погасли багровые круги, варвар пошатнулся. Но замешательство длилось всего лишь пару ударов сердца, Конан, тут же прия в себя, резко взмахнул мечом. Сдавленный крик, предсмертный стон — и его противник упал, с треском ломая кусты.

Слегка пригнувшись, Конан отскочил в сторону. Теперь его уши явственно слышали тихий шорох крадущихся шагов, шепот отдаваемых приказаний. Он в ловушке, он окружен! Здесь, на узкой тропинке, заросшей по краям густыми кустами, ему некуда деваться: там, впереди, у ступеней маячат две или три фигуры, а слева, ближе к стене, под ногами врагов скрипит песок. Ветви кустов вздрагивают, там тоже полно людей... Выходит, девчонка его предала?! Нет, не может быть! Конечно, женщины лживы по своей природе, но тут что-то не так!

Обрывки мыслей вихрем проносились в мозгу, глаза мгновенно оценивали ситуацию. Пожалуй, лучше всего отступить к стене, хоть она и высока, но бывало и хуже... А можно попробовать по-другому...

Как матерый волк, со всех сторон обложенный охотниками, киммериец стоял посреди дорожки, сжав меч и напружинив ноги. Похоже, его враги растерялись или струсили, выжидая более удобного момента.

Схватив в левую руку кинжал, Конан с коротким рыком одним

прыжком преодолел расстояние до ступеней, ведущих на галерею. Ему навстречу сверкнули лезвия трех мечей, и сталь скрестилась со сталью. С треском разбились драгоценные вазы, подломились хрупкие перила, и Конан погнал своих противников вперед, всей спиной чувствуя опасность, приближавшуюся сзади. Все-таки никто в Шадизаре не мог устоять против его меча, это он знал твердо. Он сразу понял, что сражается с черными наемниками Шафраста, понял в тот самый миг, когда мечи, столкнувшись, высекли первые искры.

В конце галереи приоткрылась дверь, раздался тихий женский вскрик, и дверь снова захлопнулась. Клинок киммерийца, отразив удар, вонзился в горло одного из нападавших. Хрипя и захлебываясь кровью, он упал под ноги остальных, а Конан в тот же миг перемахнул через перила, надеясь добежать до раскидистого дерева, что возвышалось над черепичной кровлей пристройки.

Но, похоже, этой ночью весь сад кишел людьми Повелителя Хитрецов. Да, это была настоящая облава! У дерева киммерийца поджидали, и не успел он еще приблизиться к могучему стволу, как на него сверху упала толстая веревочная сеть.

— Заходи! Заходи слева! — послышались приглушенные голоса, а из темноты к нему метнулись две тени. Конан рванулся, лишенный возможности размахнуться, но ему все же удалось рассечь прочные волокна. Рука с мечом оказалась на свободе, и клинок со свистом опустился на чью-то голову:

— Кр-ром! Вот тебе, получай! А теперь ты, негодяй! — Опутанный сетью, Конан яростно отбивался, не подпуская к себе противников, обступивших его со всех сторон. Он чувствовал, что веревки, опутавшие ноги, не дадут ему сделать больше одного-двух шагов, и это удвоило его ярость: — Ну, кто еще, Нергалье отродье!

Внезапно веревка, дернувшись, стянула лодыжки, а с ветвей дерева на киммерийца спрыгнули трое, мгновенно замотав его голову плотной тканью. На руке, сжимавшей кинжал, повисли всей тяжестью несколько человек, и лишь меч вслепую пытался достать противников. Конан ворочался, как огромный медведь, в которого вцепились собаки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. А их было много, очень много, похоже, Шафраст притащил в этот сад всю свою свору.

Вдруг киммерийца сильно ударили под коленки чем-то тяжелым, и он, потеряв равновесие, тяжело рухнул на дорожку. Падая, варвар почувствовал, как проворные руки быстро обмотали толстую веревку вокруг его правого запястья и бесполезный меч выпал на песок.

— Ну, вот теперь можно и поговорить, киммериец! — раздался совсем близко резкий насмешливый голос.— Ведь ты уже никуда не торопишься, лежи себе и слушай! Слушай меня, Повелителя Хитрецов!

— Повелителя Навозной Жижи, ты хочешь сказать! Мне не о чем с тобой говорить, мразь! — хрипло прорычал Конан, ворочая головой под складками ткани, жесткие узлы веревочной сети царапали лицо, и это усиливало бессильную ярость варвара. Проклятье, он все-таки попался! Попался на блестящую приманку, и чутье, никогда его не подводившее, на сей раз все-таки подвело! Хотя нет, не подвело, оно предостерегало, но желание насолить Шафрасту оказалось сильнее! И вот он, Конан, лежит на земле, под ногами врага, беспомощный, как спеленатый младенец. Киммериец скрипнул зубами и снова рванулся, пытаясь подняться.

— Быстро! Связать ноги и руки, заткнуть рот, чтобы не поднимал шума, и ко мне! — жесткий голос властно отдавал приказания.— Унести этих, убрать все следы крови! Жаль, вазы разбиты и перила проломаны, ну, да это мелочи! И еще...— Конан услышал, как Шафраст шепотом приказал еще что-то. Тяжелые шаги затопали по дорожке в сторону галереи.— Ты хорошо поработал для меня, киммериец, и, если будешь благоразумен, я даже награжу тебя! А сейчас возьму то, что принадлежит мне, ведь ты послушно выполнил мой план, и не более того! Ха-ха-ха!

Рука Повелителя Хитрецов уверенно скользнула под сеть и, разорвав рубаху, вытащила ларец. Было слышно, как восхищенный вздох вырвался из его груди. Полюбовавшись камнями, шадизарец с легким стуком захлопнул крышку:

— Да, это редкостная добыча! Ну ладно, медлить больше нельзя! Несите его и делайте, как я сказал!

Конан снова забился в руках своих врагов, пытаясь вытолкнуть изо рта грязную тряпку. Сгибаясь под тяжестью сопротивляющейся ноши, черные гиганты поволокли варвара к калитке в зарослях плюща. Вокруг по-прежнему было тихо. В доме судьи все продолжали спокойно спать.

Глава шестая

К вечеру Гайяром овладело странное беспокойство: он бродил по городу, нигде не останавливаясь, смотрел вокруг — и словно ничего не видел. Наконец мальчик присел в нише обшарпанной стены, окружавшей красильню, и прикрыл веки. Тревога, будто дожидавшаяся этого момента, тут же выросла в огромное чудовище и замаячила перед глазами черным демоном, оскалив окровавленные зубы. Мальчик отчаянно затряс головой, отгоняя наваждение. Он крепко прижал кулаки к зажмуренным глазам и зашептал:

— Что это? Что это, Рафала?! Я ничего не понимаю! Подскажи, если можешь, помоги!

И снова отвратительный демон заплясал перед глазами, но на этот раз когтистые лапы сжимали бьющуюся добычу, из раскрытой пасти капала слюна... И этой добычей, яростно извивавшейся в чешуйчатых тисках, был... Гайяр зажмурился еще сильнее и невольно вскрикнул: это был Конан-киммериец, единственный его союзник и, может быть, друг! Значит, это ему угрожала опасность! Шадизарец вскочил, собираясь бежать, но куда? Что он мог сделать один, с жалким кинжалом за поясом, чтобы спасти могучего киммерийца? И от чего его нужно спасать? Тугой обруч мучительной боли стиснул виски, Гайяр, пошатываясь, побрел вперед, не разбирая дороги. Солнце скрылось за городской стеной, а небо, полыхавшее закатным золотом, скоро станет бледно-зеленым, потом синим... Под ногами заскрипели трухлявые мостки. Мальчик, словно очнувшись, увидел, что направляется к таверне Облезлого Тамара. Но было еще слишком рано, чтобы туда идти. В это время Пустынька казалась вымершей, никто не спешил в притоны и не торопился обратно в город. Тощие собаки лениво обнюхивали чахлую траву и медленно трусили дальше.

Обруч, стянувший голову, внезапно раскололся, и в этот миг Гайяр понял, что делать дальше. Тревога, свернувшись в клубок, притихла в душе, словно маленькая ядовитая змея. Вот проулок, ведущий к воротам таверны. А вот заросшая пыльной акацией узкая тропа, огибающая высокий забор. Не раздумывая, паренек нырнул в кусты и, краудучись, стал пробираться вперед. За острыми кольями забора торчали покосившиеся кровли жалких построек. Наконец, дойдя до заброшенного колодца, вода в котором

пересохла лет сто назад, мальчик увидел, что дальше начинаются совсем уж ветхие трущобы. Кособокие домишкы, ничем не огороженные, соседствовали с кучами гниющего мусора. Худые куры разгребали отбросы, выискивая хоть что-то съедобное.

Встав на край колодца, Гайяр перемахнул через высокий забор. Здесь, как и снаружи, в изобилии росли чахлые кусты и высокий репейник. Присев на корточки и слегка раздвинув ветки, Гайяр огляделся.

Да, он оказался как раз там, где рассчитывал,— напротив узких, закрытых ставнями окон той комнаты, где он был прошлой ночью. Той самой комнаты, где Повелитель Хитрецов восседал в своем золоченом кресле, каая, милуя и собирая дань. Еще тогда, сидя на подушках рядом с Исоном, Гайяр, разглядывая роскошное убранство, заметил, что драгоценные ткани прикрывают простые стены, обшитые гладкими дубовыми досками. Под окнами эти доски не были затянуты драпировками. Вчера эта мелочь его просто позабавила, а сейчас он был готов благодарить богов за такую удачу.

Здесь, во дворе, было тихо, только с улицы доносился далекий лай собак. Быстро перебегая от куста к кусту, Гайяр оказался под самым окном. Полузасохшие ветви сомкнулись за его спиной, и он приник глазом к щели в рассохшемся ставне. Светильники уже горели, но Повелителя Хитрецов в комнате не было. Пустое золоченое кресло одиноко возвышалось под пышным балдахином. Гайяр подождал немного, высматривая карлика за темными складками. Но нет, ткань не шелохнулась, комната была пуста.

Не теряя больше времени, мальчик выудил из потайного кармана маленький сверток. В нем оказалось несколько странного вида железок, и он ловко приладил одну к другой. Выбрав место как раз под щелью, шадизарец воткнул острый конец в темную доску. Проворные пальцы быстро крутили маленькую изогнутую ручку, и сталь беззвучно вгрызалась в дерево. Через несколько мгновений парнишка вытащил свой диковинный инструмент и с удовлетворением полюбовался результатом: прямо под окном чернело аккуратное круглое отверстие. Гайяр встал на четвереньки и заглянул в него — середина комнаты была видна, как на ладони, правда не так хорошо, как в щели ставня, но ведь и отверстие ему понадобится совсем для другого. Поискал под ногами, он без труда нашел трухлявую деревяшку, слегка подстрогал ее кинжалом и воткнул в дырку, словно затыкая бочку с вином.

Деревянная постройка, около которой притаился Гайяр, соединялась крытым переходом с приземистым каменным строением, сильно смахивавшим на большой амбар. Окна, такие же узкие, как и в таверне, не

были закрыты ставнями, и мальчику вдруг страшно захотелось заглянуть внутрь. Но уже почти стемнело, со стороны ворот доносились негромкие голоса, и шадизарец понял, что пора уносить ноги. Он и так был немало удивлен, не встретив во дворе ни одного из телохранителей Шафраста. Не хотелось искушать судьбу лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Гайяр беззвучно прокрался к забору. Мгновение — и он спрыгнул с другой стороны, прямо на край старого колодца. Сделав большой крюк через свалку, мальчик вновь оказался у поворота к Пустыньке. Снова заскрипели под ногами старые мостки и тошнотворно запахло нечистотами. Мальчик прибавил шагу и у самых ворот нагнал компанию носильщиков с большими корзинами. К его удивлению, вместо дюжего часового у ворот стоял давешний карлик. Оглядев каждого из них цепким взглядом, он, не говоря ни слова, кивнул головой и махнул крошечной ручкой в сторону таверны. Удивленные мальчишки, не пройдя и трех шагов, зашептались:

— Ну и дела! Сам Коротышка у ворот! Что еще задумал Повелитель Хитрецов?! Такого не бывало!

— Ох, не хочется мне сегодня туда идти! Видит Бел, скоро я навсегда покину Шадизар!

— Да, Мирх, стало совсем уже невмоготу... Ну, ладно, ладно, пошли, мы тут не одни: видишь, сзади этот новичок стоит и, наверно, подслушивает!

Тревожно оглядываясь, мальчишки скрылись за дверью таверны. Немного помедлив, Гайяр вошел вслед за ними. То, что он увидел в грязном зале, привело парня в замешательство. Притихшая было тревога вновь, зашипев змеей, подняла свою голову. Харчевня была наполовину пуста, за столами сидели лишь мелкие воришки, старики и размалеванные девки. Даже у дверей, ведущих в покой Шафраста, на этот раз не стояли грозные стражи. Было видно, что люди Повелителя Хитрецов напуганы этим обстоятельством больше, чем обнаженными мечами черных наемников.

Гайяр присел к длинному столу, поближе к двери. Хозяин, Облезлый Гамар, мелькнул в дальнем конце таверны и скрылся за дверью. Никто не разносил вино, не ставил на столы мясо и лепешки. Девчонки-прислужницы тоже куда-то попрятались. Напряженная тишина повисла над пустыми столами, но вдруг тяжелая дверь открылась, пропуская нелепую фигуру в засаленном халате. Вздох облегчения пронесся по таверне, раздались даже негромкие приветственные возгласы, а Исон,

выступив вперед, важно поднял руку, явно подражая своему повелителю:

— Тихо, вы! Я, Исон, буду говорить! Повелитель Хитрецов, наимудрейший наш господин, приказывает... — Он помолчал, оглядывая напряженные лица. — Приказывает... всем разойтись, не поднимая шума! Ой, что это вы все скисли?! — закричал он совсем другим голосом, и его правый глаз задергался, подмигивая. — Повелитель велел передать, что вся сегодняшняя добыча принадлежит вам, а вот еще кошель на пропой, только проваливайте поскорее, и без лишнего шума! Ты, Неркис, раздели деньги и проследи, чтоб никто не передрался!

Напряженное ожидание мгновенно сменилось бурными криками восторга:

— Хвала Повелителю Хитрецов! Да будет его удача и с нами на веки веков!

— Исон, постой, ты куда, не смазывай свои пятки салом, присядь и расскажи, что случилось. Поведай, не задумал ли мудрейший Шафраст жениться?!

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете! Дела Повелителя Хитрецов — это только его дела, а мы лишь слуги повелителя. Так что не распускайте языки и побыстрее чешите отсюда, пока я не передумал и не забрал кошель обратно. Правильно, Неркис, иди первым, а остальные пойдут за тобой, как кобели за сучкой... Ха-ха-ха! Быстро, быстро, не задерживайтесь!

Харчевня опустела в мгновение ока, и за спиной Гайяра громко лязгнул засов. Карлик у ворот, держа в руке маленький факел, терпеливо ждал конца дележки. Наконец пустой кошель исчез за поясом Неркиса, а недоумевающие, но вполне довольные подданные Повелителя Хитрецов вышли на темную улицу. Старики зашептались:

— Смотри-ка, Коротышка и ворота сразу запер! Куда они все подевались? Ни «барсов», ни стражи, ни самого Шафраста!

— А может, они там, во втором дворе?

— Как же, говори, во втором дворе! Когда они там, всегда слышен говор, лязг оружия. Вечно они сцепятся по пустякам, дикий народ, эти черные! А сейчас везде тихо, как в могиле! Нет, поверь старику, в том дворе пусто, да и в самом доме, я думаю, тоже! И уверен: сам Шафраст сегодня пошел на крупное дело! И даже догадываюсь, на какое...

— Ш-ш-ш! Догадываешься, так молчи! — прошептал другой стариик, толкнув первого в бок. — Голова целее у того, кто мало говорит и много слушает! Пошли лучше выпьем! У толстушки Наниты нас всегда ждут!

Гайяр медленно шел позади всех, чутко прислушиваясь к тихим

разговорам, но у поворота люди Шафраста стали расползаться в разные стороны. Шмыгнув за кусты, он осторожно пробрался к знакомой тропинке. Совсем стемнело, и узкий месяц, как и вчера, только делал вид, что светит. Вот и колодец. Там, за забором, по-прежнему тихо.

Острые колюки ограды торчали высоко над его головой. Вынув из-за пазухи прочный длинный жгут, сплетенный из тонких полосок кожи, мальчик набросил его на один из столбов и легко подтянулся. Осторожно перебравшись на другую сторону, он повис над землей и мягко спрыгнул в траву. Здесь так же никого не было. Подобравшись к облюбованному окну, Гайяр заглянул в щель.

Комната все еще оставалась пустой. Мальчик тихо вынул затычку и посидел некоторое время, прислонившись к стене. Его продолжало неудержимо тянуть к каменной постройке, хотелось заглянуть в одно из темных окон.

Но окна недолго оставались темными. Мелькнул огонек, и кто-то стал зажигать светильники. Словно песчаная змейка, мальчик осторожно подполз к крайнему окну и, присев на корточки, заглянул внутрь. Тоненькая девушка в синем платье, которую он вчера видел в таверне, ходила от светильника к светильнику, зажигая огни. Оглядевшись, Гайяр с трудом сдержал изумленный возглас — если та комната, где восседал на возвышении Шафраст, показалась ему вчера великолепной, то здесь были дворцовые покои, настоящие дворцовые покои!

Девушка медленно шла, зажигая фитили ажурных светильников, а следом за ней от окна к окну пробирался Гайяр, разглядывая пышное убранство просторных комнат. Вот спальня с роскошным ложем, накрытым парчовым покрывалом с выткаными на нем китайскими драконами. Пол устлан пушистыми турецкими коврами, созданными, чтобы ласкать босые ступни властелинов.

Рядом с ложем резной столик черного дерева, а на нем кальян редкостной работы с крышкой в форме птичьей головы. Гайяру достаточно было одного взгляда, чтобы рассмотреть все эти мелочи. Так вот чего добился человек, обесчестивший его мать и погубивший его деда! Вот что дал ему похищенный перстень! Злые слезы выступили на глазах паренька, и с губ сорвался тихий смешок. Второе, третье окно. Стены, украшенные драгоценной резьбой, мозаики дивной красоты, столы и кресла, отделанные золотом с перламутром, даже небольшая мраморная купальня, похожая на раскрытый цветок розового лотоса. Вот что скрывалось здесь, за грубыми стенами из плохо обтесанного камня. Да, Шафраст безраздельно царствовал в этой дыре, среди трущоб, таясь и не смея

вылезти на поверхность, не смея построить роскошный дворец, окруженный тенистым садом, рядом с дворцами городской знати! Хотя и среди почтенных горожан Шадизара воров или мошенников было предостаточно!

Действительно, Шафрасту удалось создать для себя крошечное государство, государство с горсткой послушных и пребывающих в страхе подданных. Он жил наслаждаясь своей властью над ними и, пожалуй, властью над всем Шадизаром, тайной и страшной. Здесь, в городе, его боялись и богатые купцы на постоянных дворах или в добротных домах и переполненных товарами лавках, и вельможи, чьи дворцы сверкали золотом башен, утопая в зелени благоухающих садов. Все же было во всем этом что-то до того нелепое, что Гайяр с трудом удерживался от изdevательского смеха. Грязь всегда тянется к грязи, дермо к дерму! Он хотел заглянуть в последнее окно, как вдруг со стороны, противоположной входу в таверну, послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса. Мальчик еще ранним вечером заметил, что здесь есть вторые ворота, и нырнул в заросли, пробираясь поближе к входу в каменный дворец Повелителя Хитрецов.

Ворота распахнулись с легким скрипом, а во двор вошли два человека в длинных плащах, освещая дорогу факелами. Следом за ними показалась странная процессия: четыре зембабвийца тащили, с трудом удерживая, тяжелый бьющийся сверток. В свете факелов мелькнули связанные ноги в знакомых сапогах, клочья разодранной рубахи, широкий кожаный пояс... Гайяр до крови прикусил руку, чтобы не вскрикнуть: он узнал киммерийца, поверженного, опутанного сетью, с головой, замотанной чьим-то плащом... Следом за черными наемниками, не спуская глаз со своей добычи, шел сам Шафраст. Изредка он оглядывался назад: двое «барсов» тащили за ним еще одно тело, плотно замотанное в покрывала. Легкость, с которой чернокожие несли свою ношу, и тихие сдавленные стоны подсказали мальчику, что это плененная женщина.

Шафраст остановился около ступеней. Свет факела ярко освещал лицо, горевшее торжеством. Сидя в каких-нибудь трех шагах от него, Гайяр хорошо слышал каждое слово:

— Сначала киммерийца, а потом, когда ударю в гонг, приведете ее... Никому не расходиться, стоять у дверей, но не соваться, что б ни услышали! Понятно?!

— Да, господин! — Черные воины поправили на плечах тяжелую ношу и с трудом протиснулись в дверь. Свет факела мелькнул в темноте перехода, зембабвийцы направлялись туда, в тронный зал Повелителя

Хитрецов. Гайяр весь подобрался, собираясь отползти назад. Но повелитель воров Шадизара все еще медлил, стоя на нижней ступени. Внизу столпились его черные охранники и те, кого здесь называли «барсами», лихие отпетые молодцы. Многие из них вытирали кровь, сочившуюся из свежих ран,— видно, Конан им недешево достался.

— А ну-ка, подойдите поближе, я хочу взглянуть на девчонку! — распорядился Шафраст, кивнув тем двоим, что держали пленницу.

Откинув край покрывала, он размотал платок, скрывавший лицо, и восхищенно поцокал языком:

— Ай-ай-ай, какая красоточка! Этот киммериец не дурак, всегда выбирает самых свеженьких! Ну что ж, дело сделано, теперь неплохо слегка развлечься! Эй, кто там! — крикнул он, поглаживая бесчувственную девушку по щеке.— Вина и фруктов в спальню! Ее отнесите на ложе, а сами идите на свои места!

Он постоял еще немного, покачиваясь на носках и продолжая хищно улыбаться. Потом круто повернулся и вошел в дом.

Осторожно, так, что не колыхнулась ни одна ветка, Гайяр отполз назад и задержался под окном спальни. Служанка как раз ставила на столик кувшин с вином, испуганно поглядывая в сторону неподвижного свертка, лежавшего поперек ложа. Черная коса свесилась до самого пола, белел запрокинутый подбородок.

Тяжелая дверь приоткрылась, вошел Шафраст, уже без плаща, одетый так же, как и все его люди: в простые темные штаны и дешевую рубаху. Только шелковый вышитый пояс да красные сапоги с черным узором вокруг голенища отличали его от сотен бродяг, промышляющих в Шадизаре. К груди он прижал ларец розового дерева. Служанка, повинувшись взмаху руки, поспешно выскользнула из спальни. Шафраст поставил ларец рядом с кувшином и медленно подошел к ложу.

Перерезав веревки, он резко дернул за угол покрывала. Девушка перекатилась на самый край ложа и застонала. Потом, приходя в себя, медленно села, с изумлением оглядываясь. Шафраст стоял напротив, не сводя с ее тела жадного взгляда. Встретившись с его глазами, пленница вскрикнула и испуганно сжалась в комочек, но, стоило Повелителю Хитрецов сделать шаг, как она спрыгнула на пол, метнулась к окну. Шафраст расхохотался:

— Ха-ха-ха! Все женщины одинаково неразумны! Видят решетки на окнах, но все равно пытаются бежать! Ну, потряси, потряси решетку, можешь даже позвать на помощь — здесь тебя никто не услышит... А все же что тебя так испугало, красавица? Вот ложе с мягкими подушками, вот

ковры, вот вино и спелые груши... А вот и я перед тобой! Как ты думаешь, что мне от тебя надо? Ну, что же ты молчишь, прекрасная Филота?

— Я... я боюсь тебя... не приближайся ко мне, не приближайся! О, какой у тебя жестокий взгляд, какая страшная улыбка! Нет, нет, не трогай меня! — в ужасе вскрикнула девушка, пытаясь отбежать к двери.

Но Шафраст поймал ее за косы и, намотав волосы на руку, притянул к себе ее голову с круглыми от страха глазами.

— Отсюда еще никто не уходил, не дав мне того, чего я хочу! Смотри, видишь это? — Он вытянул перед лицом девушки левую руку с черным перстнем.— Отвечай, что это?!

— Рука... Рука с перстнем... О, мне больно! Мои волосы!

— Смотри на него, на этот черный камень, смотри внимательно, не отводи глаз! Что ты видишь там, в глубине? — снова спросил Шафраст, еще сильней потянув ее за косы.

Слезы боли катились по щекам служанки, рот перекосила гримаса страха, но она никак не могла отвести взгляда от мерцающих глубин черного камня.

— Вижу... Я вижу огонь, красный, синий, белый огонь! Он вырывается наружу, он жжет меня! Отпусти, отпусти, отпусти! — закричала Филота, отчаянно пытаясь освободиться. Внезапно тело ее обмякло, руки безвольно повисли, и она прошептала, прикрыв глаза:

— Я послушна тебе, мой господин! Приказывай, я повинуюсь!

— Очень хорошо, моя красавица! — Шафраст отпустил ее косы и сел в низкое кресло.— Я выпью вина, а ты пока сбрось свои одежду. Ах, посмотри, как порвали их мои люди, негодяи, ну просто негодяи! Совсем не умеют обращаться с красивыми женщинами! Сбрось эти тряпки и танцуй передо мной! Станцуй Танец Змеи! Ты не знаешь, что это такое, и я тоже не знаю, но все равно танцуй, я так хочу!

Он наполнил кубок, а Филота с бледным, окаменевшим лицом вышла на середину комнаты и, покачивая бедрами, медленно развязала наспех завязанный пояс. Тело извивалось в такт неведомой музыке, которую слышала только она. Тонкие руки спустили с плеч разорванное платье, нежно провели по пышной груди и замерли на бедрах. Шафраст, осушив свой кубок, смотрел на девушку и, словно повторяя движения ее рук, тоже медленно сбрасывал с себя одежду...

Не дожидаясь, чем все это кончится, Гайяр быстро пополз вдоль стены. Ярость уже не клокотала в его груди, мешая дышать, а застыла тяжелым горячим камнем. Добравшись наконец до проверченного отверстия, он привстал на одно колено и заглянул внутрь. Там, около

самого возвышения, бесформенной грудой лежал поверженный киммериец, связанный и опутанный сетью. Мальчик лихорадочно обдумывал планы спасения приятеля, но ничего путного в голову не приходило. Прошло немало времени, и теперь оставалось только молить богов, чтобы Шафраст не поспешил разделаться с Конаном так же, как со строптивым Эрисом!

Гайяр ждал долго, ему показалось, что прошла целая вечность.

«Быть может...» — но он не успел додумать до конца свою мысль.

Дверь из внутренних покоев резко распахнулась. Быстрыми шагами вошел Шафраст и задвинул засов. Сейчас он снова был одет, как повелитель: алые шелковые шальвары, легкие туфли с загнутыми носами, расшитые жемчугом и бисером, распахнутый парчовый халат.

Мальчик поспешил опуститься на колени и приник ухом к отверстию, стараясь не пропустить ни слова. «Быть может,— снова подумал он,— все-таки удастся что-то сделать для киммерийца!»

Тем временем Повелитель Хитрецов подошел к своему пленнику, несколько раз ткнул его в бок носком своей туфли и, наклонившись, снял с его головы рваный плащ. Взлохмаченная голова приподнялась с ковра, а полный ненависти взгляд словно обрушил на голову Шафраста те проклятия, которые не могли сорваться с языка.

— Ого, каков зверь! Ха-ха-ха, сейчас укусит! — воскликнул Повелитель Хитрецов, потирая руки.— Ну, ладно, полежи пока так, послушай, что я скажу. Потом я вытащу кляп у тебя изо рта... Тогда и скажешь все, что думаешь. Но мой тебе совет, киммериец: усмири свою гордость и покорись!

Конан яростно замотал головой, пытаясь вытолкнуть тряпку, затем резко сел и подтянул под себя связанные ноги, тщетно пытаясь встать. Не спуская с него глаз, Шафраст поднялся на свое возвышение и уселся в кресло.

— Ты очень силен, киммериец, гораздо сильнее, чем любой из моих черных парней... Но даже ты не сможешь разорвать эти веревки! О, ты все-таки ухитрился подняться на ноги? Ну, что ж, попрыгай, попрыгай предо мной, а когда надоест, можешь опуститься на колени. Ведь скоро ты станешь моим подданным или... или пожалеешь, что появился на свет! Я поймал тебя, ты мой пленник, и жизнь твоя в моих руках! Вернее, в моей руке! Вот, видишь перстень Бела? Не может быть, чтобы ты не слыхал о нем! Стоит мне протянуть в твою сторону указательный палец, и твоя голова тут же покатится с плеч! Так как, хочешь ли ты умереть? Нет, такие, как ты, предпочитают жизни! А теперь я, пожалуй, готов послушать тебя!

Стой так, как стоишь, не вздумай упасть и навалиться на меня — иначе ты тут же превратишься в груду падали! Вы, киммерийцы, коварны и хладнокровны, но, я думаю, мозгов у вас в голове все-таки побольше, чем у моих зембабвийцев! Стой и не шевелись!

Поднявшись с кресла, Шафраст опасливо шагнул к нему, вытянув вперед руку с перстнем. Гайяр около своей дырки весь сжался: вдруг Конан в порыве ярости решится на непоправимое, заплатив жизнью за мгновенный порыв? Но киммериец словно окаменел, глядя прямо перед собой неподвижными глазами. Шафраст с трудом вытащил тряпку изо рта варвара и отступил на шаг назад:

— Ну, что же ты молчишь, киммериец?! Признаться, я был уверен, что услышу от тебя все проклятия, какие только есть на свете! Но у тебя, похоже, язык отнялся? Если ты ничего не понял, повторю еще раз: ты ловкий, очень ловкий вор, и ты мне нужен! Если будешь делать то, что я велю, тебя ждет совсем неплохая жизнь! А если не согласишься... тогда сначала испытаешь величайшее унижение, а потом — смерть... Ты будешь мне отвечать?! — Голос Шафраста почти сорвался на визг, но варвар стоял все так же неподвижно, глядя куда-то перед собой.

Как видно, Повелитель Хитрецов ожидал от своего пленника чего угодно: вспышки ярости, потока проклятий и базарной браны, но только не этого презрительного молчания.

— Ты, щенок, колода киммерийская, смеешь не отвечать мне, истинному хозяину Шадизара! Я и так слишком долго позволял тебе пастись на моем пастбище! Да, кстати, я слышал, что вы, киммерийцы, не причиняете зла детям и женщинам, особенно тем женщинам, которые вас любили! Посмотрим, может быть, это тебя проймет! — И Шафраст, злобно сплюнув прямо на ковер, удариł в гонг.

Резкий звон разорвал тишину, и тут же раздался осторожный стук в дверь. Отодвинув засов, Повелитель Хитрецов подождал, пока двое зембабвийцев введут в комнату женщину под легким шелковым покрывалом. Шафраст кивнул, и черные слуги, пятясь, выскользнули за дверь.

— Подойди сюда, красавица, подойди поближе! Встань вот здесь, напротив этого бесчувственного варвара! Он даже не смотрит на тебя, а еще совсем недавно, наверное, клялся всеми богами, что любит!

Сдернув с женщины шуршащий шелк, Повелитель Хитрецов впился взглядом в киммерийца;

— Ну, вот она перед тобой, твоя сообщница! Правда, этот цветочек немного помят и не так свеж, как раньше, но, что поделаешь, другого и

быть не могло: сначала ты, потом я, потом еще четверо моих зембабвийцев... Согласен, они немного перестарались!

Да, перед Конаном стояла Филота, совсем нагая, с телом, исцарапанным жадными руками, с синяками на нежной коже. Но лицо оставалось безучастным, потухшие глаза смотрели, не узнавая, а искусанные губы приоткрылись в страдальческой гримасе. Не выдержав, киммериец застонал и, забыв про веревки, попытался шагнуть в ее сторону. Но тут же рухнул, как подкошенный, под громкий хохот Повелителя Хитрецов:

— Ага, не выдержал, сопляк?! Ну, давай, поднимайся и смотри, что с тобой будет, если не согласишься... — Все еще смеясь, Шафраст поднялся на возвышение и засунул палец в пасть льва на правом подлокотнике.

Гайяр, то жадно слушая, то приподнимаясь к щели в ставне, увидел, что толстая спинка кресла словно раскололась надвое. А там, как в открытой раковине моллюска, на черном бархате лежала свернувшаяся змеей обыкновенная кожаная плеть.

— Кр-ром! Падаль, ты ее избивать будешь? Погоди, я до тебя доберусь! Негодяй, хребет переломаю, руки вырву! Не трогай девушку!

— Значит, ты согласен, киммериец? Не катайся по полу, не грозись впластую, сам видишь, тебе меня не укусить! Так ты согласен?!

— Пусть Нергал с тобой соглашается, паскуда! — взревел в бешенстве Конан, пытаясь связанными ногами ударить Шафраста.

— Значит, я пока не убедил тебя! Но я давно догадывался: ты крепкий орешек и мне понадобится время, чтобы обломать тебя! Время — великий маг, поверь мне, киммериец! Ну, да ты сам это поймешь. А теперь смотри, что я сделаю с ней и что ждет тебя!

Шафраст хлестнул девушку плетью. Словно порыв ветра пронесся по комнате, закрутив и смяв очертания женской фигуры. Миг... На наборном полу вместо Филоты стояла, поджав хвостик и дрожа от страха, маленькая черная собачонка. Ее глаза с немым ужасом смотрели вверх на Повелителя Хитрецов, а он со смехом говорил киммерийцу:

— Ну как, нравится? И ты таким будешь, только покрупнее. Мне нужны сильные и злые сторожевые псы! А потом, если не одумаешься, я сделаю вот так... — Он вытянул указательный палец в сторону собачонки.

Та с визгом попыталась отскочить, но было поздно: лохматая голова покатилась по ковру, а тельце, сделав еще шаг, упало у самых ног киммерийца.

Шафраст торжествующе склонился над варваром:

— Видишь мою силу? Если ты не глуп, то покоришься! Я мог бы

сделать гораздо проще — поднести к твоим глазам перстень Великого Бела, и ты сразу бы стал моей послушной игрушкой... Но таких рабов у меня более чем достаточно. Они сильны, как быки, но и так же тупы. А ты хитер и умен! Так что пусть твой ум подскажет тебе, что лучше: стать моим телохранителем, мечтающим только о жратве, выпивке и бабах, стать псом, охраняющим мои богатства, умереть или...

— Ты мразь, Шафраст, и сам это знаешь! — Конан сел на ковре и вытянул связанные ноги.— Дерьмо по сравнению с тобой — чистейшее золото!

— Вот это уже другой разговор! — обрадовался Шафраст.— Говори сейчас, что хочешь, я тебе это прощу! А о девчонке не жалей, у тебя их еще будет не одна сотня! К тому же я совершил правосудие — покарал воровку, ведь утром Великий Судья решит, что его бесстыдная служанка сбежала, прихватив драгоценность. Ай-ай-ай, похитить убор и скрыться — какое вероломство!

— А почему ты так домогаешься моего согласия? — Конан, прищурившись, холодно смотрел в желтые глаза Повелителя Хитрецов.— Сегодня я согласился, завтра передумал, мир велик, на Шадизаре свет клином не сошелся! Ну, говори, зачем?

— Ага, вот ты уже и вопросы задаешь! Очень хорошо! — Шафраст хихикнул.— Я знал, что мы с тобой если и не поладим сразу, то хотя бы поговорим... Ну, так вот, если ты согласишься... Нет, что это я, сегодняшняя удача совсем ослепила мой разум! Сначала твое согласие, тогда все и узнаешь!

Кажущееся спокойствие мгновенно слетело с лица Конана, теперь на Шафраста смотрел страшный в своей ярости зверь, оскалив белоснежные клыки и сверкая глазами:

— Ну, нет, так не пойдет! Не дождешься, мерзавец! Хоть ты и заманил меня в ловушку, я не буду твоим слугой. Дерьмо Нергале! Клянусь Кромом, мы еще посчитаемся!!!

— Клянись, клянись хоть Кромом, хоть подолом своей бабки, клянись чем хочешь! Ладно, я сегодня добр и милостив, к тому же мне нравится смотреть на тебя, связанного и бессильного... Ну-ну, посмей только дернуться! — Шафраст, попятившись, снова выставил вперед руку.— Сейчас тебя уведут в подвал, хочешь — вой, хочешь — призывай своих богов, а завтра мы снова поговорим, и тогда уже все! Пожалуй, из тебя выйдет славный цепной пес! Ха-ха-ха, до завтра, киммериец! — Шафраст быстро спрятал плетку в тайник и снова ударил в гонг.

Тут же на пороге появились черные слуги и замерли, ожидая

приказаний.

— Отнести в подвал рядом с винным погребом, посадить на цепь, пусть для начала попробует, каково это — быть сторожевым псом! — дрожащим от ярости голосом приказал Повелитель Хитрецов.

Когда Конана уволокли за дверь, Шафраст, оттолкнув ногой труп собачонки, присел на край возвышения и расхохотался:

— Неплохо, клянусь Белом, неплохо!

Глава седьмая

Сквозь крошечное зарешеченное окошко под самым потолком проник тусклый свет раннего утра. Конан сидел на корточках у шершавой стены, уже в который раз пытаясь порвать цепь, стянувшую руки. Но все его попытки были тщетны — такая цепь могла удержать и взбесившегося слона. А штырь, заделанный глубоко в кладку, выдернуть тем более не удавалось, как он ни старался его раскачать, изо всех сил упираясь в пол ногами и напрягая стальные бугры мышц. Похоже, на этот раз он крепко влип! Но все-таки это еще не смерть! А пока он жив — жива и надежда!

Он наконец оставил цепь в покое и, прислонившись к стене, прикрыл глаза. Днем или вечером Шафраст снова велит привести его, а может, и сам придет сюда... Во всяком случае, можно будет попытаться свернуть мерзавцу шею! Варвар вновь начал лихорадочно обдумывать всевозможные способы бегства. Вдруг он, не открывал глаз, почувствовал, что там, за окном, что-то мелькнуло, на мгновение заслонив свет. Он поднял голову, ожидая. Так и есть, чуть заметно дрогнула ветка, раздался чуть слышный свист. Конан быстро поднялся, сделал шаг к окну — цепь звякнула и натянулась. Снова тень заслонила утренний свет, и киммериец увидел улыбающееся лицо Гайяра. Сквозь прутья решетки просунулась рука, и мальчик прошептал:

— Лови, приятель!

Конан вскинул закованные руки и на лету поймал плеть. Он сразу увидел, что это та самая плеть, которую Шафраст хранил в тайнике своего трона: ему еще тогда бросились в глаза два черных треугольника на рукоятке.

— Эй, ты там поосторожнее, не разбей флакон! — прошептал Гайяр, прижавшись к решетке. — В нем эликсир, разрывающий цепи! Смотри, чтобы он не попал на кожу, а то насквозь прожжет!

В самом деле, к рукояти тонкой нитью был привязан крохотный синий флакон с острой граненой пробкой. Конан повернулся к оконцу с вопросом, висевшим на кончике языка, но мальчишки уже и след простыл. Удивляясь его прыти, Конан осторожно разматывал тонкую нить. Конечно, он не один раз слышал о чудесном эликсире, крушащем в пыль железо и сталь, но вот в руках держал впервые.

— Посмотрим, что это за штука такая! — пробормотал варвар,

осторожно вытаскивая пробку. Она поддалась с большим трудом, и, когда Конан наконец открыл флакончик, по всему подземелью растекся свежий запах яблок.

Киммериец принюхался, с недоверием глядя на флакон, и осторожно наклонил узкое горлышко. Капля розоватой тягучей жидкости капнула на широкий стальной браслет, охвативший запястье. Она мгновенно растеклась по металлу, и толстая пластина с тихим шорохом раскрошилась, как будто сделанная из песка.

— Кр-ром, вот это я понимаю. Молодец, мальчишка! Ну-ка, теперь на другой руке,— восхищенно прошептал Конан, снова наклоняя флакон.

Через несколько мгновений груда цепей с прожженными браслетами валялась на полу, а киммериец с сожалением смотрел на прутья крошечного оконца:

— Эх, жаль, что оно такое маленькое! А то флакон еще почти полный... Ну, Шафраст, берегись, теперь наши силы сравнялись! И мы еще посмотрим, кто кого. Я все тебе припомню — и камешки, и девчонку.

Бережно закрыв флакон и спрятав в потайной карман, Конан снова присел у стены и прикрыл глаза. Теперь ему оставалось только ждать...

Днем, когда солнце вовсю заливало двор ослепительным светом, за дверью его тюрьмы послышались шаги и громкие голоса. Загремели отпираемые засовы, и в подвал вошли два вооруженных до зубов зембабвийца. Легкие кожаные латы, металлические кирасы, шлемы с блестящими медными дисками, мечи и кинжалы —охранники Шафраста были снаряжены не хуже, чем наемники какого-нибудь князя или барона.

Киммериец неподвижно сидел у стены, положив голову на скрещенные руки, он даже не шелохнулся, услышав лязг и скрип отпираемой двери. Один из стражей, опасливо приблизившись, слегка ткнул его острием меча:

— Эй, вставай, чего расселся! Господин требует!

Конан неохотно поднял голову, посмотрел на зембабвийца тяжелым взглядом и снова уронил ее на руки. Потеряв терпение, стражник подошел ближе. Он хотел было пнуть варвара ногой, но в тот же миг киммериец вскочил на ноги и с размаху хлестнул чернокожего плеткой, зажатой в руке. Второй стражник, выхватив меч, кинулся было к ним, но тут же с воплем ужаса метнулся назад, к двери: перед ним, выскочив из одежд и доспехов, с жалобным воем кружился огромный обезумевший пес. Одним прыжком подскочив к зембабвийцу, который без толку размахивал мечом, другой рукой пытаясь нащупать спасительную дверь, Конан и его огладил плеткой Повелителя Хитрецов. Тот, выронив меч, упал на четвереньки, и вот уже

два пса, скуля и подывая, заметались по подземелью.

Дверь распахнулась, на пороге показались еще два зембабвийца, привлеченные шумом и воем. Псы, стремясь выскочить наружу, кинулись под ноги оторопевшим стражникам, а Конан, подхватив с пола меч, двумя быстрыми ударами раздался с собаками. Он стоял посреди подвала, грозный и беспощадный, как тигр, сжимая в одной руке меч, а в другой — чудесную плеть. Стражники какое-то мгновение колебались, соображая, то ли поскорее выскочить за дверь, то ли броситься на киммерийца, выполняя приказ Повелителя Хитрецов. Конан словно прочитал эти мысли по их напряженным лицам. Ему совсем не улыбалось вновь оказаться запертым в каменном мешке и ждать, пока они приведут подмогу или притащат сеть. К тому же это были зембабвийцы, падкие на лесть и мгновенно теряющие голову от оскорблений. И Конан, помахивая плетью, издевательски расхохотался охранникам в лицо:

— Ну, что, черные рабы Повелителя Шадизарских Помоек? Много ли он вам платит, чтобы вы отращивали жир на боках и ляжках? Ха-ха-ха! Здешним девкам это нравится! Ну, хоть ты, кривоносый, попробуй взмахнуть мечом! — Варвар ткнул плеткой в сторону стражника, подперевшего спиной дверь.— А то я решу, что Шафраст держит тебя для своей забавы — вон какую задницу ты отъел на харчах Облезлого Тамара!

Глаза зембабвийца со свороченным набок носом налились кровью бешенства. Он уже ничего не видел и не слышал, кроме ухмыляющегося лица наглого киммерийца и обидных слов. Зарычав, он хрипло выкрикнул крепкое зембабвийское ругательство и, в гневе путая слова разных языков, бросился вперед:

— Хаммганта! Рогфа! Ты... грязная свинья, суами! Я изрублю тебя, как... как кешаб, паршивый киммериец!

Увернувшись, Конан подставил ножку разъяренному противнику:

— Я вижу, ты все-таки смелый парень! Сейчас мы договорим, а пока я пощекочу твоего приятеля! Эй, куда ты, толстая образина! Или умеешь сражаться только с бабами?! Так не стоило тащиться в такую даль!

Второй зембабвиец, кусая от ярости губы, метнул в киммерийца кинжал, потом рыча бросился на него с мечом. Звякнув, кинжал ударился в стену, а Конан оглушительно расхохотался:

— Да, Шафраст набрал себе лучших из лучших! Впору бойню открывать, такие славные у него бычки! Ну, кто первый? — Варвар стоял около дверей, и его меч угрожающе поблескивал в полумраке подвала. Один против двоих — неплохой расклад! Да еще против таких, у которых мечи и кинжалы ржавеют в ножнах!

— Ух... я вижу, вы готовы! Сначала ты, кривоносый! Ну, нет, я же говорил, нельзя так горячиться! Теперь остался только ты, мясистый! Да не размахивай мечом ты так бестолково... На, получай! — Меч киммерийца вонзился в живот черного стражника.

Он со стоном повалился на труп своего товарища, дернулся и затих. Конан с усмешкой посмотрел на убитых охранников, на зарубленных псов, вытер клинок и осторожно приоткрыл дверь: он ничуть бы не удивился, если б на шум борьбы сбежалась вся челядь Повелителя Хитрецов. Но нет, за дверью было тихо. В небольшой комнатке со сводчатым потолком стоял грубый стол да пара корявых лавок. Недопитый кувшин с вином, лепешки, баранья лопатка — все говорило о том, что стражников оторвали от трапезы. Конан несколькими жадными глотками допил вино, сунул в рот кусок лепешки и стал медленно подниматься по щербатой лестнице, прислушиваясь к звукам, доносившимся со двора. Наружная дверь оказалась открыта, в узкую щель пробивался яркий свет солнца. Неподалеку, в конюшне, ржали и били копытами кони. Сквозь приоткрытую дверь Конан мог видеть, не высовываясь, почти весь двор. Он только посередине был чист и вымощен, а по краям, ближе к стенам построек, были навалены кучи всякого хлама, заросшие густым бурьяном и чахлыми кустами. В стороне о чем-то разговаривали, негромко пересмеиваясь, разбитные служанки из таверны и увешанные оружием зембабвийцы.

Вдруг из-за кучи пестрого мусора, слева от входа в подземелье, раздался знакомый голос:

— Сюда, киммериец, быстро!

Выждав момент, когда стражники, пытаясь обнять хохочущих девушек, отвернулись от подвала, Конан тенью метнулся в кусты. Гайяр уверенно полз впереди, прижимаясь к стенам и стараясь не задевать ветки кустов. Наконец, добравшись до забора, они остановились.

— Что дальше делать будем? Еще немного, и меня хватятся, начнется такая кутерьма! А я этого негодяя хочу застать врасплох!

— Ш-ш-ш, мы все успеем! Шафраст ждет тебя в купальне, видишь, у того входа стоят четверо, дожидаются тебя, как почетного гостя! Но мы туда не полезем... Сейчас нам надо обогнуть вдоль забора весь двор, и побыстрей. Я тут уже целую тропу протоптал среди отбросов! — прошептал Гайяр и ловко, как ящерица, пополз вперед.

Конан, не отставая, двинулся следом. Там, где росли кусты, они пробирались почти без опаски, а там, где лежали кучи свежего мусора, быстро перебегали к следующим зарослям. В конце концов они оказались

позади какой-то неказистой деревянной постройки. Гайяр подтолкнул киммерийца локтем и прошептал:

— Угадай-ка, где мы находимся? Вон там таверна, там — ворота, с той стороны конюшня и погреб... Ну?

— Постой... Постой, этот хлев — та самая богатая комната, где он измывался надо мной? Ах, Шафраст, задница Нергалья! А зачем мы сюда ползли, обдирая колени? Нет, Гайяр, ты перемудрил. Надо было сразу выскочить из кустов и перебить тех, у входа.

— А потом те, что во дворе, повисли бы у тебя на плечах! И Шафраст тем временем раз — и готово! — сердито прошептал мальчик, махнув перед лицом киммерийца указательным пальцем.— Не думай, что я так уж глуп! Иди за мной, и все поймешь.

Убедившись, что здесь, на задворках владений Повелителя Хитрецов, никого нет, мальчик подполз к самой стене и, осторожно засунув кинжал в щель, потянул на себя одну из досок обшивки. Конан без слов понял, что это — дверь, потайная дверь, и ему сразу стало ясно, как мальчишке удалось похитить плеть.

— Так ты знал, что у него кроме перстня есть еще и волшебная плеть? Знал и молчал?

— Ничего я до этой ночи не знал! Слушай, потом будешь задавать вопросы, а сейчас молча иди за мной. Скоро тут такой шум поднимется! — прошептал Гайяр и бесшумно открыл маленькую дверь.

Они проскользнули вовнутрь, и мальчик повернул круглую ручку, задвигая хитроумный засов. Конан сделал пару шагов, осматриваясь в полумраке узкого пространства, в котором они оказались. Вдруг его нога наткнулась на что-то мягкое. Он наклонился и разглядел лежащего на полу, лицом вниз, крошечного человечка с большой головой.

— Клянусь Кромом, это же Коротышка! Верная обезьяна Шафраста!

— Пришлось с ним разделаться... Когда я сюда вошел, думал, что здесь никого нет. А он, оказывается, спал в складках полога, прямо тут, где лежит... Ну, теперь-то он высится! Понял, киммериец, где мы стоим? Как раз за его великолепным троном. Вон сколько тут тряпок понавешано, нас совсем не будет видно. Надо только Коротышку затолкать вон туда, поближе к двери! Тихо! Слушай, кажется, началось!

Да, началось! Посыпался истощенный женский визг, топот бегущих ног, разноголосая брань и хлопанье дверей, обитых медью. Конан словно наяву видел растерянные черные рожи стражников, не знающих, кого рубить выхваченными из ножен мечами. Пленник исчез, будто сквозь землю провалился! И ведь они, верные слуги, стояли здесь же, глаз не

спуская с дверей подземелья! Колдун этот киммериец, не иначе как колдун! И перепуганные чернокожие, топоча ножищами в тяжелых сапогах, побежали к своему господину, Повелителю Хитрецов.

Теперь и у входа в покой начался переполох. Конан не смог удержаться от тихого смешка, представив, как вылезает из купальни Шафраст, злой, мокрый, облепленный цветочными лепестками... Служанки второпях вытирают его тело, он в гневе отталкивает нерасторопных и поспешно одевается сам... Вот он выбегает на крыльцо и вопит на весь двор:

— Схватить! Привести! Всех казню, мерзавцы! Он не мог далеко уйти! Сейчас же прочесать всю Пустыньку!

Заскрипели двери конюшни, послышался топот лошадей, и наемники, выехав за ворота, рассыпались в разные стороны.

— Все, киммериец. Теперь стой тихо и не вздумай чихнуть! Слышишь, идут,— зашептал Гайяр, невидимый в тяжелых складках ткани.

Конан и сам различил торопливые шаги, приближившиеся к двери, той двери, через которую его втащили сюда этой ночью.

Повелитель Хитрецов не вошел, а, скорее, ворвался в свой тронный зал, шумно сопя от гнева.

— Дармоеды! Дерьмо ишачье! Предатели! Наверняка ему кто-то помог! Никому, никому нельзя доверять! Любой готов подложить свинью! — злобно бормоча, он быстро прошелся из угла в угол и, немного остыv, поднялся на возвышение: — Все равно этот дерзкий варвар далеко не уйдет, и тогда я разделаюсь с киммерийцем у всех на глазах! Подданные! Сброд!!! Нет, пора кончать с этими подонками и перебираться в другие места. Мне давно опротивел Шадизар... Эй, кто там, вина! — И он ударил в гонг.— Хотя нет, не стоит торопиться. Поспешность в важных делах может оказаться губительной!

Дверь приоткрылась, и с подносом в руках появился сам Облезлый Гамар. Его маленькие глазки умильно смотрели на повелителя, губы пытались сложиться в почтительную улыбку, руки, державшие поднос, тряслись от страха, а серебряный кувшин с кубком дребезжали, выдавая тавернщика с головой.

Шафраст угрюмо сидел в кресле, глядя на Тамара из-под нахмуренных бровей. Он молчал, и в его молчании таилась угроза. Трактирщик, еле передвигая онемевшие ноги, медленно подошел ближе и поставил поднос на столик. Не сводя с Повелителя Хитрецов испуганных глаз, он наполнил кубок и протянул его господину.

Шафраст взял кубок, начал медленно пить вино. Его левая рука словно невзначай поднялась с подлокотника. Гамар отчаянно взвизгнул, уронил

под ноги кувшин и, вереща, заметался по комнате, не находя выхода. Наконец перетрусиивший слуга с размаху налетел на дверь и с воплями выскочил наружу. Шафраст снова опустил руку на подлокотник и злобно расхохотался:

— Ха-ха-ха!!! Нет, здесь все-таки неплохо. А доверять нельзя никому, будь ты повелителем таких вот мерзавцев или правителем настоящего королевства! Ха-ха-ха!!!

Конан не мог больше терпеть, стоя за темными драпировками и дыша врагу в затылок. Меч с треском разорвал плотную ткань, и киммериец с коротким яростным криком вскочил на помост. От мощного пинка золоченое кресло вместе с Повелителем Хитрецов вылетело на середину комнаты. Шафраст покатился по ковру и, увидев перед собой варвара, с воплем ярости взмахнул рукой. Проворно, как обезьяна, Конан отскочил в сторону. Он кружил и приплясывал перед Повелителем Хитрецов, угрожающе выставив перед собой меч и не сводя глаз с черного перстня:

— Ну что, падаль, все еще дожидаешься моего согласия? Вот он я, перед тобой, возьми, если сможешь! Разве я не говорил, что мы еще посчитаемся?

Опередив движение руки, Конан огромным прыжком отскочил в сторону и яростным ураганом ринулся на Повелителя Хитрецов. Меч с размаху опустился на шею шадизарца. От такого удара голова должна была отлететь от тела, как тыква от сухого стебля, но вместо этого раздался резкий звук, словно клинок рубанул по железу. Шафраст, слегка оглушенный, но живой, упал на четвереньки. Мгновенно прия в себя, он встряхнул головой, повернулся, ища взглядом киммерийца, и закричал, оскалив желтые зубы:

— Ну, все! Игра окончена! Ты мне больше не нужен, дикарь! Ха-ха, и ты надеешься меня поцарапать своей игрушкой?!

— Берегись! — раздался вопль Гайяра. Киммериец проворно отскочил в сторону, и на спину Повелителя Хитрецов со свистом обрушилась плеть:

— Получай, пес! За деда, за мать, за меня, за весь род Закко! — кричал шадизарец, и его глаза пылали от гнева и ненависти.

Нечеловеческий рык вырвался из горла Шафраста, и он, словно отброшенный невидимой рукой, откинулся назад. Судорога свела его члены, скрюченные пальцы отчаянно царапали ковер. Вдруг очертания тела Повелителя Хитрецов потеряли четкость, стали расплыватьсь, и вот уже посреди комнаты стоит, рыча, огромный взъерошенный пес. Наступив лапой на черный перстень Бела, пес ощерил страшную пасть и угрожающе сверкнул желтыми глазами.

Киммериец расхохотался, отбросив меч:

— Скалься, скалься, Нергале отродье. Теперь ты только это и можешь. Так как ты сказал — игра окончена? Ну, нет, она еще только началась!

Он протянул руку к перстню. Прижав уши, пес с яростным рыком бросился на него, но киммериец ловко отскочил назад и неуловимо быстрым движением схватил его за загривок. Лапы, потеряв опору, замахали в воздухе, собака забилась, не в силах освободиться из стальной хватки Конана. Высоко поднятый в воздух, зверь извивался всем телом, рыча и воя, из раскрытой пасти на пол капала пена.

Гайяр шагнул вперед, засунув плеть за пояс, и наклонился к перстню. Как в первый раз, едва его пальцы прикоснулись к талисману, внутри черного камня вспыхнула яркая красная искра. Мальчик надел перстень на палец и протянул левую руку в сторону пса. Тот мгновенно обмяк, повиснув в огромном кулаке киммерийца, словно старая серая тряпка, и завыл, тонко и жалобно. С зажмуренными глазами, поджатым хвостом он являл собой такое жалкое зрелище, что мальчик с презрением сплюнул:

— Тьфу, и этот человек — мой отец! Да мне еще пятнадцать лет жизни понадобится, чтобы отмыться от такого позора! Отпусти его, Конан, он теперь никуда не убежит...

Киммериец разжал руку. Пес мешком рухнул на пол. Распластавшись, он, скуля, подполз к ногам Гайяра и стал облизывать его грязные сапоги. Мальчик с отвращением ткнул его ногой в бок, пес взвизгнул, но продолжал лизать обувку своего господина.

— Давай, лижи! Это у тебя получается лучше всего! Теперь я вижу, что плеть исправила ошибку богов — тебе с самого начала следовало родиться собакой, грязной собакой городских свалок! Рафала! Ты слышишь меня? Путь пройден, и месть свершилась. Лопнул обруч, сжимавший мое сердце, грудь дышит легко и свободно!

— Эй, кто там за дверью? — вдруг гаркнул Конан, подняв с пола меч.
— Не вздумайте бежать, идите сюда, а то хуже будет!

Дверь медленно приоткрылась, и в комнату сначала заглянул Облезлый Гамар. Шум и вопли напугали его до полусмерти, но извечное любопытство превозмогло страх. Он вошел на трясущихся ногах, следом за ним показались служанки и поварята.

— А где все остальные? Стража, «барсы»?! — грозным голосом спросил Конан.— Попрятались, что ли?

— Нет, господин! Они все помчались на поиски бежавшего пленника... А где... а что случилось с... с мудрейшим Шафрастом? Мы

только что слышали его голос... — ответил Гамар, испуганно глядя по сторонам.

— Ха-ха-ха, он потерял своего повелителя и теперь не знает, кому кланяться! Ну, поклонись хоть ему, ведь теперь он владеет черным перстнем Бела! Что, хочешь на свою голову нового повелителя?

Гамар расширившимися от ужаса глазами взглянул на мальчика и упал на колени:

— Пощади, о великий! Мы ничем перед тобой не провинились! Мы хотели только узнать...

— Хотели узнать, что здесь случилось и куда девался Повелитель Хитрецов? Ну, смотри, вот он, перед тобой, лежит, поджав хвост, и боится даже глаза открыть. Эй, Шафраст, встань! — повелительно крикнул Гайяр, слегка подтолкнув ногой замершего пса.

Тот послушно вскочил и робко завилял хвостом, преданно заглядывая пареньку в глаза.

— О, боги, быть этого не может! — Гамар, замахав руками, попятился к двери и выскочил следом за визжащими служанками.

Дня через три в таверне Фаруса Конан сидел за дальним столом, поджиная Гайяра. Хозяин, вспотев от усердия, бегал то на кухню, то в погреб, отрабатывая горсть золотых, щедро отсыпанную киммерийцем. Два кувшина с пуантенским вином, два кубка, множество блюд... Конан с жадностью принюхивался к подоспевшему жаркому, ворча, что мальчишка бессовестно запаздывает. Как будто услышав его слова, Гайяр появился на пороге. Он махнул Конану рукой и не спеша пошел к столу. Сегодня его было не узнать: синие шелковые шальвары, короткий, до колен, узорный халат, подпоясанный пестротканым поясом, розовая вышитая рубаха... На кудрявых волосах лихо заломленная бархатная шапка с золотым шнуром. Киммериец глянул на него и усмехнулся:

— Да ты больше похож на Повелителя Хитрецов, чем сам Повелитель Хитрецов, мошенник Шафраст! Кстати, где он?

Мальчик подошел ближе, и Конан заметил в его руке веревку. Пес жался за его спиной, а когда Гайяр сел, покорно улегся у его ног.

— Смотри, какой шелковый! Но ты с ним поосторожнее, подлец — он всегда подлец!

— Ты, конечно, прав, но он знает то, что тебе неизвестно: если этой плеткой хлестнуть еще раз, он снова станет человеком. За это он еще послужит Рафале, ой как послужит! Да, киммериец, я ведь пришел проститься! — сказал Гайяр, наливая себе вина.

— Клянусь Кромом, и я пришел за тем же самым! Но, прежде чем

расстаться, скажи, как ты ухитрился найти потайную дверь и выкрасть плеть? А флакон? Ведь если бы не этот эликсир, мне и плеть бы не помогла!

Юноша усмехнулся и осушил кубок.

— Когда знаешь, где искать, обязательно отыщешь! Где ты видел лисицу, у которой не было бы запасных лазеек? Где ты видел мошенника, который не подумал бы о тайном лазе? И разве ты сам не заметил, что трава в том месте не росла, а стена была чуть светлее? Ну а отыскать волшебные сокровища и вовсе оказалось несложно. Шафраст так привык полагаться на магию и на страх, который внушал всем своим рабам, что забыл об обычной осторожности и утратил всякую смекалку. Тайник мог бы отыскать и годовалый младенец — не то что внук знаменитого Ловкача Эмета! Хвала богам, я унаследовал его сноровку!.. Ну, а ты-то куда теперь?

— Куда угодно, лишь бы подальше от Шади-зара. Сам понимаешь, здесь сапфиры не продаешь, по всему городу шныряют соглядатаи Великого Судьи! А ты возвращаешься в Шадизар? Перстень, чудесная плеть, пес Шафраст... Лучшего и желать нельзя! Да с этим перстнем...

— Нет, нет, Конан, я никогда в жизни не надену его на палец! — Юноша вытащил из-за пазухи шнурок, на котором, поблескивая черным камнем, висел талисман. — Довольно я насмотрелся на воров и мошенников, мне не нужна такая удача! Я хочу стать купцом, как мой будущий тестя, почтенный Расат. Знаешь, что здесь лежит? — Он похлопал по ковровой суме, висевшей через плечо. — Тут у меня брачная запись! Через год я стану мужем его младшей дочери. Зачем мне перстень, если Расат — самый богатый купец в Шадизаре! Так что пусть Рафала, моя мать, сама решает, что делать с этими проклятыми сокровищами... А ты, киммериец, неужто никогда больше не вернешься в благословенный Шадизар?

— Ха-ха-ха! Вот сказал так сказал! Никогда! Нет, здешняя жизнь как раз по мне — разве еще найдешь такой город, где богатства сами так и просятся в руки! Конечно, вернусь, может, через три-четыре луны...

— И тогда будешь самым дорогим моим гостем! Да, я согласен, Шадизар — лучший город на свете. В нем все тайны и сокровища мира... — Гайяр засмеялся, поднося к губам кубок. Перед его глазами встал крошечный дворик с тихо журчащим фонтаном, глубокое подземелье, набитое несметными богатствами, голубой треугольный камень... Его сердце там, в Аренджуне, будет рваться обратно, вспоминая доброту почтенного Расата, прелесть юной невесты и, конечно же, этот дом... — Давай выпьем, киммериец!

— Давай! Эй, хозяин, еще вина!

Наполнялись и пустели кубки. Тихо скулил под столом взъерошенный серый пес.

Lex Z

rusquest@mail.ru

<http://www.hyboria.narod.ru/>